Cabin. 36

ПУШКИНЪ.

П 21
22

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ XXXVI.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ.

Петербургъ.
1923.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Январь 1928 года.
Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*

Россійская Государственная Академическая Типографія.
600 экз.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
О Пушкинскихъ текстахъ изъ коллекціи В. И. Яковлева. В. И. Срезневскаго	1—7
Еще неизвѣстныхъ и непрочитанныхъ стихотвореній Пушкина: 1) Стою печаленъ, на кладбище... 2) Возстань, о Греція, возстань! 3) Неизвѣстное стихотвореніе Пушкина. М. Л. Гофмана	8—20
Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова. Н. О. Лернера	21—25
Пушкинъ-ходатай за Мицкевича. Б. Л. Модзалевскаго	26—33
Новый автографъ Пушкина. Замѣчанія по поводу двухъ статей В. К. Кюхельбекера. В. И. Срезневскаго	34—41
Автографъ наброска Пушкина «Забывъ и рощу и свободу». В. И. Срезневскаго	42—43
По поводу стихотворенія Пушкина: «Изъ А. Шенье» (1825). Г. Г. Гельда	44—47
О происхожденіи одного стихотворенія Пушкина («Воротился ночью мельникъ»). В. Каррика	48—58
По поводу замѣчаній Пушкина на «Анналы» Тацита. Г. Г. Гельда	59—62
Къ вопросу объ англійскихъ источникахъ стихотворенія Пушкина «Цыганы» («Надъ лѣнистыми брегами»). П. В. Яковлева	63—70
Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина. В. И. Рѣзанова	71—77
Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ Пушкинскимъ сюжетамъ. II. «Кинжалъ» и m-me de Staël. Б. В. Томашевскаго	78—95
Указатель	96

О Пушкинскихъ текстахъ изъ коллекціи Василія Ивановича Яковлева.

Въ коллекціи автографовъ русскихъ дѣятелей, принадлежавшей Василію Ивановичу Яковлеву и принесенной въ 1917 году его наслѣдниками въ даръ Рукописному Отдѣленію Библіотеки Академіи Наукъ, сохранилось пять автографовъ Пушкина: стихотвореніе «Зимняя дорога», письмо къ А. П. Керн 25 іюля 1825 г., письмо къ Л. С. Пушкину 21 ноября 1827, общее съ другими членами семьи Пушкиныхъ, и два письма къ М. Л. Яковлеву: 19 іюля 1831 г. и 19 ноября 1836 г.

Въ виду того, что изданія этихъ рукописей не безусловно точны и видимо сдѣланы не непосредственно по оригиналамъ, находимъ полезнымъ дать краткое описаніе Пушкинскихъ рукописей Яковлевской коллекціи и указать тѣ неточности, которыя въ отношеніи писемъ вкрались въ Академическое изданіе переписки Пушкина, а въ отношеніи стихотворенія—въ изданіе Брокгауза и Ефрона подъ редакціей С. А. Венгерова, такъ какъ на данныя, сообщаемыя послѣднимъ о Яковлевской рукописи «Зимняя дорога» (т. IV, стр. XIII), ссылается и Академическое изданіе (т. IV, стр. 332). Къ описанію подлинныхъ рукописей Пушкина присоединяемъ свѣдѣнія о хранившейся въ собраніи Яковлева при автографахъ Пушкина современной ему копіи стихотворенія «Мой Демонъ».

1. *Зимняя дорога*. Въ 4°, на 1 л.

На об. внизу листа по-нѣмецки отмѣтка о принадлежности рукописи Пушкину, сдѣланная, очевидно, какимъ-нибудь собирателемъ автографовъ, и краткая замѣтка о Пушкинѣ, каранда-

шомъ, другой рукой со ссылкой на Dr Dietrich. Ниже стихотворенія послѣ росчерка отмѣчено по-русски о томъ, что въ рукописи нѣтъ послѣдней строфы.

Все стихотвореніе писано рукой Пушкина. Начинается строфой «По дорогѣ зимней скучной ..»; затѣмъ слѣдуетъ строфа «Что то слышится родное...»; затѣмъ — «Сквозь волнистые туманы...». Эта третья по первоначальной рукописи строфа отмѣткой на полѣ «1» перенесена на мѣсто второй, противъ которой стоитъ сбоку черта, но цифры «2» нѣтъ — возможно, что она оторвана вмѣстѣ съ краемъ листа. Всѣхъ строфъ шесть; строфы «Грустно, Нина...» нѣтъ. Послѣ строфы шестой «Звучно стрѣлка часовая...» заключительный росчеркъ.

Въ текстѣ двѣ поправки: въ строкѣ 14 первоначально вм. «глушь и *снегъ*» стояло «мракъ» и въ строкѣ 18 вм. «*на милой*» стояло «въ городъ». Обѣ поправки указаны въ изданіи Брокгауза и Ефрона подъ ред. С. А. Венгерова, т. 4, примѣчанія, стр. XIII. Въ немъ не указано иное противъ обычнаго расположеніе строфъ стихотворенія. Относительно заглавія, въ томъ же изданіи высказано предположеніе, что оно написано не Пушкинымъ.

Въ виду того, что знаки препинанія въ нашей рукописи разставлены нѣсколько иначе, чѣмъ въ изданіяхъ, и для большей наглядности общей конструкціи стихотворенія, приводимъ Яковлевскій текстъ полностью съ той разстановкой строфъ, которая отмѣчена на поляхъ.

Зимняя дорога.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ;

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льетъ печально свѣтъ она

Что то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.....

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и [мракъ] снѣгъ.... на встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются одни...

Скучно, грустно....., завтра, Нина,
Завтра [въ городъ] къ милой возвратясь
Я забудусь у камина
Загляжусь не наглядясь

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершит(ъ)[1])
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучитъ —

2. *Письмо къ Анне Петровне Керн* съ припиской 25 іюля 1825 г. изъ Михайловскаго. Въ 8-ую долю, на 2 лл.

Дата на л. 2 въ началѣ второй части письма: «25 j Ut».

На л. 2 об. вслѣдъ за письмомъ частью черезъ текстъ письма, наискось подъ угломъ, приписка, повидимому, рукою Пушкина же. Подписи нѣтъ.

Текстъ, напечатанный въ Академическомъ изданіи переписки Пушкина, ред. В. И. Саитова (т. I, стр. 242—243), нуждается въ слѣдующихъ поправкахъ:

Строка 10 изданія. Вм. *en* въ фразѣ «la frivolité est toujours cruelle *en* vous autres» слѣд. читать *et*: «...cruelle *et* vous autres...».

Строка 11. Вм. «à-travers» въ подлинникѣ: «à travers».

Строка 13. Вм. «à vos pieds. Mille...» въ подл.: «à vos pieds — mille...».

1) Край листа оторванъ.

Строка 16. Вм. «Je reprend» въ подл. правильно: «Je reprends».

Строка 16. Сл. «[pour]» въ подл. отсутствуетъ.

Строка 17. Передъ сл. «J'espère» въ подл. тире и пѣть точкп.

Строка 18. Вм. «cachetie» въ подл. правильно: «cachette».

Строка 18. Вм. «repondrez-vous» въ подл. правильно: «répondrez-vous».

Строка 19. Въ подл. описка: «ecrivez moi».

Строка 20. Въ подл. послѣ сл. «par la tête» не тире, а запятая.

Строка 22. Въ подл. послѣ сл. «signez un nom de fantaisie» не запятая, а тире.

Строка 23. Въ подл. описка: «helas!».

Строка 25. Въ подл. правильно: «relisant».

Строка 26. Въ подл.: «Ан. Ник.».

Строка 26. Въ подл.: «Ахъ вы чудотворка» (безъ запятыхъ).

Кромѣ того сл. Vous въ подл. всегда пишется строчной буквой.

Письмо это, какъ видно изъ отмѣтки на обложкѣ, кажется, рукою В. И. Яковлева, получено имъ отъ А. П. Керн. Въ первый разъ оно было напечатано ею самой въ ея воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (Библ. для Чтенія, 1859, т. 154, № 3, стр. 120—121).

3. *Общее письмо къ Льву Сергѣевичу Пушкину отъ Надежды Осиповны, Сергѣя Львовича, Александра Сергѣевича и Ольги Сергѣевны Пушкиныхъ* 21 ноября 1827 г. изъ Петербурга. Въ 8-ую долю, на 2 лл.

Дата въ началѣ письма Н. О. Пушкиной: «St. Pétersbourg, ce 21 Novembre 1827». А. С. Пушкину принадлежатъ четыре строки на л. 2 об. между письмами С. Л. и О. С. Пушкиныхъ. Безъ подписи.

На л. 1-мъ въ началѣ письма рукою С. А. Соболевскаго приписано: «Письмо стариковъ Пушкиныхъ и Александра ко Льву».

Все общее письмо полностью напечатано въ Академическомъ изданіи Переписки, т. 2, стр. 48—49.

Въ строкѣ 1 изданія въ письмѣ А. С. Пушкина не отмѣчены зачеркнутыя буквы *nt* въ словѣ m'écrive*nt* и описка въ сл. «Vous eussiez *dû*» (стр. 2): у Пушкина *du*.

Въ письмѣ С. Л. Пушкина въ изданіи опечатка: вм. mon (строка 5 снизу) слѣд. читать nom. Есть нѣсколько ошибокъ въ передачѣ правописанія, знаковъ препинанія и строчныхъ и прописныхъ буквъ.

Какъ видно изъ отмѣтки неизвѣстнаго лица на общей обложкѣ автографовъ Пушкина это письмо имъ получено отъ С. А. Соболевскаго; В. И. Яковлеву оно досталось, вѣроятно, отъ него.

4. *Письмо къ Михаилу Лукьяновичу Яковлеву* 19 іюля 1831 г. изъ Царскаго Села. Въ 4-ку, на 2 лл.

Дата на л. 1 об. въ концѣ письма: «19 іюля С. Село». Подпись въ видѣ монограммы АП. На л. 2 об. адресъ и почтовый штемпель 20 іюля 1831 г.

Въ текстѣ, напечатанномъ въ Академическомъ изданіи Переписки (т. 2, стр. 281—282), слѣдующіе недочеты:

Строка 13. «Надпяхъ» въ подлинникѣ написано двумя словами.

Строка 18. Слова «о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву» въ подлинникѣ подчеркнуты всѣ, а не только сл. «о Рыцарѣ».

Строка 19. Вм. имени «Софья Михайловна» первоначально стояло «она», затѣмъ сл. «она» зачеркнуто.

Строка 24. Въ подлинникѣ: «Его Высокоблагородію».

Строка 25. Въ подлинникѣ: «С. Петербургъ».

Кромѣ того въ изданіи пропущены двѣ запятыя (стр. 3 слѣд. читать: «вексель мой, и надпиши», стр. 9 — «очень, очень») и вм. точки съ запятой въ изданіи (стр. 2 передъ «но») должна быть запятая.

5. *Письмо къ Михаилу Лукьяновичу Яковлеву* 19 ноября 1836 г. изъ Петербурга. Въ 8-ую долю, на 2 лл.

Дата въ началѣ письма написана не Пушкинымъ: «19 ноября 1836»; цифра 1 въ 19 передѣлана изъ 2. Подпись нѣтъ. Письмо

занимаетъ лицевую сторону 1-го л.; на л. 2 об. адресъ, сургучная печать и карандашомъ какія-то выкладки.

Въ текстѣ Академическаго изданія (т. 3, стр. 410) Переписки слѣдующія ошибки:

Строка 1. Въ подлинникѣ передъ сл. «виноватъ» нѣтъ «я».

Строка 5. Въ подлинникѣ: «Его Высокородію».

Строка 6—7. Въ подлинникѣ: «типографіи».

Около фамиліи на адресѣ приписана монограмма.

«*Мой демонъ*». Въ 4°, на 1 л. съ обрывкомъ другого. На оборотной сторонѣ 1 л. нѣсколько разъ написано «Жуковскій» и «Михаилъ Максимовичъ»; на лицевой и оборотной 1-го и на оборотной 2 л. рисунки профилей.

Текстъ писанъ *неизвѣстной рукой*, заглавіе и двѣ поправки въ текстѣ другой, повидимому, тою же рукою, которой принадлежатъ приписки фамилій.

Нач.: «Когда еще мнѣ были новы
Всѣ наслажденья бытія...»

За исключеніемъ двухъ мѣстъ текстъ тотъ, который былъ напечатанъ въ «Мнемозинѣ» В. К. Кюхельбекера и князя В. Ѳ. Одоевскаго, кн. 3 (М. 1824, стр. 11—12), т. е. съ тѣми ошибками, за которыя Пушкинъ бранилъ Кюхельбекера въ письмѣ къ брату отъ 4-го декабря 1824 г.: «Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ того онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно»... (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 154). См. въ Академическомъ изд. сочиненій Пушкина, т. III, примѣчанія, стр. 317—331; въ изд. Брокгауза и Ефрона, ред. С. А. Венгерова, т. II, примѣч., стр. 618—623. Обыкновенно печатается въ редакціи, напечатанной въ изданіи стихотвореній Пушкина 1829 г., т. I, стр. 178—179, подъ заглавіемъ «Демонъ» (нач. «Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы...»).

Кромѣ ошибокъ, вошедшихъ въ Мнемозину, въ нашей рукописи есть еще двѣ:

Строка 22: «На жизнь съ насмѣшкою *глядѣлъ*» (вм. «смотрѣлъ»); въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» бар. Дельвига на 1825 г., стр. 276 — «На жизнь насмѣшливо глядѣлъ».

Строка 10: «Тоской внезапно осѣня» (вм. внезапной).

Поправки въ рукописи слѣд.:

Въ стр. 16 первоначально стояло: «Вливала въ *сердце* хладный ядъ»; затѣмъ поправлено «*душу*».

Въ стр. 22 первоначально стояло: «на *міръ* съ насмѣшкою глядѣлъ»; затѣмъ поправлено «на *жизнь*».

В. Срезневскій.

Изъ ненапечатанныхъ и непрочитанныхъ стихотвореній Пушкина.

1. Стою печаленъ, на кладбище.

Въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина», среди другихъ обломковъ творчества Пушкина, П. В. Анненковъ напечаталъ слѣдующіе стихи:

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу — кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:
. . . . . телега
. . . . . стучитъ.

Въ такомъ видѣ эти стихи и перешли во всѣ изданія сочиненій Пушкина и печатаются среди черновыхъ набросковъ 1824 года. И. А. Шляпкинъ, къ которому перешла подлинная рукопись, принадлежавшая Анненкову, исправилъ чтеніе Анненкова въ первомъ стихѣ («Стою печаленъ — на кладбище») и раскрылъ послѣдніе два стиха:

По ней рабочая телѣга
(Могилы пылитъ и) стучитъ.

Отъ этого добавленія пьеса конечно не выиграла, ибо нельзя же признать особенно удачнымъ и грамотнымъ послѣдній стихъ: «Могилы пылитъ и стучитъ».

Обратимся къ подлинной рукописи. Въ ней мы читаемъ:

[Послѣднее мірское] [пепелище]
[Таинственный] [ночлегъ]
[По] [привѣтливый] [приютъ]
[Поклонъ тебѣ] [1] [печальное кладбище]
[Привѣтный]
[Гдѣ тлѣ]
[Неогражденное кладбище],
[Ночлегъ усопшихъ поселянъ] —
[Святое смерти пепелище]
тебѣ
[Поклонъ] [Пок] [безмолвное кладбище]
[Печально ты — — — обнажено]
Стою печаленъ, на кладбище
Гляжу кругомъ — обнажено
Святое смерти пепелище — —
[По]
И * степью * лишь окружено —
[На право] [среди льна]
[дуба] — [дорога] —
[Ни деревца] [ни] [Уединен] [съ лѣва]
[Лежитъ] [широкая дорога]
[идетъ] [У]
[Лежитъ] [По] [по] [рубежу могилъ]
Ни [деревца], [ни ручейка]...
[Ни хоть березы] [гдѣ бы дѣва]
[Могла]

Страничка на этомъ кончилась, и Пушкинъ сбоку началъ записывать продолженіе (предполагая, повидимому, дописать пьесу одной строфой):

---

1) Зачеркнуто, возстановлено и снова зачеркнуто.
* Зачеркнуто и возстановлено.

[вдоль] [послѣдняго] вѣчнаго
И мимо * [тайныхъ [1])] ночлега
[Идетъ] дорога сельская лежитъ
рабочая
[Кресты] И По ней телега
[Могилы] [пылитъ]
изрѣдко стучитъ

Послѣ этого поэтъ развернулъ листъ и написалъ окончаніе пьесы (на окончаніе и — можетъ быть — законченность пьесы указываетъ концовка):

и [2])
[Однообразныя] могилы
и деревянные
[Полу истлѣвшіе]
[Однообразные] кресты —
Нѣмые камни —
Однообразны и унылы
Одна [вездѣ]
[Ни ру] равнина справа
[ручей не льется] съ лѣва
[ручей]
[Не льется] [не льется говоря]
[Ни ручья, ни древа]
[Хотя] ни рѣчки
[Ни ручейка] ни холма, ни древа
Кой гдѣ
[Вдали] [4]) [Вдали] чуть видятся [3]) кусты

* Зачеркнуто и возстановлено.

1) Разобрано предположительно.

2) «И» приписано послѣ (соединеніе съ начатымъ стихомъ: «Нѣмые камни»).

3) Разобрано предположительно.

4) Зачеркнуто, возстановлено и снова зачеркнуто.

Читая всѣ незачеркнутые стихи и слова, получаемъ:

Стою печаленъ, на кладбище
Гляжу кругомъ — обнажено
Святое смерти пепелище — —
И степью лишь окружено —
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ
По ней рабочая телега
изрѣдко стучитъ
Нѣмые камни и могилы
И деревянные кресты —
Однообразны и унылы
Одна равнина справа съ лѣва
Ни рѣчки ни холма, ни древа
Кой гдѣ чуть вид(ятся) [1]) кусты.

Вѣрнѣе, однако, предположить, что послѣдніе шесть стиховъ замѣнили собою незаконченное четверостишіе (на что указываютъ общность образовъ въ черновикѣ и внѣшній видъ рукописи). Самымъ спорнымъ въ этомъ стихотвореніи является порядокъ послѣднихъ стиховъ, дающій неправильную и необычную для Пушкина риѳмовку. Быть можетъ надо читать:

Одна равнина справа съ лѣва
Ни рѣчки ни холма, ни древа
Кой гдѣ чуть видятся [1]) кусты.
Нѣмые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы...

Стихотвореніе это (совсѣмъ въ иномъ видѣ) раньше печаталось подъ 1824 годомъ (что весьма вѣроятно по техникѣ стиха):

1) Разобрано предположительно (можетъ быть: видны).

попытки И. А. Шляпкина перенести дату къ 1830 г. не обоснованы и мотивировка ихъ неубѣдительна.

---

2. Возстань, о Греція, возстань!

Во всѣхъ полныхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина подъ 1823 годомъ печатается слѣдующая пьеса:

Возстань, о Греція, возстань!
Недаромъ напрягаешь силы,
Недаромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью вѣтхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

Между тѣмъ въ дѣйствительности Пушкинъ не въ 1823, а только въ 1829—1830 гг. началъ набрасывать это стихотвореніе, которое имѣетъ въ рукописи такой видъ:

Возстань, о Греція, возстань —
[Ты] [напрягла] напрягала
[Твой] [неб] недаромъ силы
Недаромъ потрясала брань
Олимпъ
[Нарнасъ] и Пиндъ и Ѳермопилы

Страна
[О своб] Героевъ и боговъ —
разторгла [цѣпи] рабскія вериги
[Освободилась] —
пѣньи
[Объятая[1])] При [звукѣ] пламенныхъ
стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги

вѣтхой
Подъ сѣнью [*нерэб*] ихъ вершинъ
юная
Свобода [древняя] возникла
[И]
На гробахъ[2]) [гробъ]
[Ѳесея] [и] [гробъ] Перикла
[И] [Средь] [На]
[На] мраморныхъ Аѳинъ.

Стихотвореніе осталось незаконченнымъ и неотдѣланнымъ и начало принимать такую форму (читаемъ незачеркнутые стихи и слова и оставляемъ тотъ порядокъ стиховъ, въ какомъ они написаны, хотя и предполагаемъ, что стихи 11 и 12-й должны быть переставлены):

Возстань, о Греція, возстань —
Недаромъ напрягала силы
Недаромъ потрясала брань
Олимпъ и Пиндъ и Ѳермопилы

Страна Героевъ и боговъ
Разторгла рабскіе вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги

Подъ сѣнью вѣтхой ихъ вершинъ
Свобода юная возникла
На гробахъ Перикла
мраморныхъ Аѳинъ.

1) Разобрано предположительно.
2) Слово передѣлано (читается: «гробахъ» и «гробъ»).

Такъ читается это стихотвореніе въ единственной рукописи, поступившей въ Пушкинскій Домъ отъ И. А. Шляпкина, который пріобрѣлъ ее у наслѣдниковъ П. В. Анненкова, впервые опубликовавшаго эту рукопись въ VII (дополнительномъ) томѣ своего изданія сочиненія по данному черновику (печатаніемъ съ черновика и объясняется странное заглавіе Анненкова) въ странной, неоправдываемой автографомъ, редакціи:

Планъ стихотворенія въ честь Греціи.

(1823).

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ *напрягаешь* силы,
Не даромъ *потрясаетъ* брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью вѣтхой ихъ вершинъ
Свобода *древняя* возникла
. . . . . *мраморы* Аѳинъ
Гроба Телея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскіе вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

Достаточно бѣгло сравнить чтеніе Анненкова съ приведенной нами транскрипціей (а еще болѣе убѣдительно — съ подлинной рукописью), чтобы убѣдиться въ томъ, что Анненковъ печатаетъ стихотвореніе именно по этой рукописи (не забудемъ и того, что она перешла къ Шляпкину именно отъ Анненкова) и что онъ допускаетъ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ ошибокъ. Понятно ошибочное чтеніе «напрягаешь» и «потрясаетъ», такъ какъ эти слова въ рукописи написаны весьма неразборчиво, и потому Шляпкинъ, исправляющій чтеніе Анненкова по нашей рукописи, сохранилъ и повторилъ то же ошибочное чтеніе. Исправленіе эпитета къ

«свободѣ» — «юная» осталось неразобраннымъ Анненковымъ, возстановившимъ первоначальную зачеркнутую редакцію «древняя». Попятна и перестановка стиховъ 7—8—по требованію строфичности, какъ понятно многоточіе передъ «мраморы» (ибо въ рукописи только начаты «Средь» «И», «На» — послѣдующіе издатели, начиная съ Г. Н. Геннади, увидѣли въ этомъ многоточіи цензурное вмѣшательство и храбро напечатали «*Святые* мраморы Аѳинъ»). Окончаніе слова «мраморныхъ» (а не какіе то «мраморы») написано дѣйствительно очень неразборчиво и съ исправленіями, и потому могло быть понято, какъ «мраморы». Восьмой стихъ Анненкову вришлось — для цѣльности пьесы — самому компоновать изъ зачеркнутыхъ словъ (такъ же и по той же рукописи сдѣлалъ и Шляпкинъ, образовавшій стихъ: «Ѳесея гробъ и гробъ Перикла»; композицію Анненкова надо признать удачнѣе Шляпкинской композиціи). Такого же происхожденія, какъ «напрягаешь» и «потрясаетъ», ошибочное чтеніе «Расторгни» вмѣсто несомнѣннаго «Расторгла» (эта ошибка была исправлена Шляпкинымъ).

Кромѣ этихъ, легко объясняемыхъ, большихъ неточностей чтенія въ общемъ легкаго автографа, Анненковъ допустилъ двѣ большія ошибки, отнеся пьесу къ 1823 году, сдѣлавъ перестановку (по смыслу) двухъ строфъ, къ чему его особенно побуждало невѣрное чтеніе «Расторгла» и напечатавъ незаконченное стихотвореніе въ качествѣ вполнѣ законченнаго[1]). Анненковъ не обратилъ вниманія на то, что черновикъ пьесы написанъ на одномъ листѣ, тѣмъ же самымъ почеркомъ, *въ то же самое время*, съ черновиками пьесы «Опять увѣнчаны мы славой» (по поводу Адріанопольскаго мира 1829 года) и первоначальной восьмой главы («Что слишкомъ часто разговоры> Принять мы рады за дѣла»), и при датировкѣ стихотворенія руководствовался тѣми внутренними соображеніями, которыя онъ изложилъ въ своемъ примѣчаніи: «Стихи изъ эпохи пребыванія Пушкина на югѣ, когда

1) Все же Анненковъ былъ осторожнѣе послѣдующихъ издателей и хотя бы заглавіемъ — *Планъ стихотворенія въ честь Греціи* — указывалъ на незаконченность пьесы.

глаза всего края были обращены на происшествія въ Греціи; авторъ, какъ мы знаемъ, велъ дневникъ событій въ Греціи, вскорѣ, впрочемъ, имъ брошенный и позабытый. Тиртей, древній Греческій пѣвецъ, воинственнымъ строфамъ котораго, по преданію, Спартанцы обязаны многими побѣдами, упоминается здѣсь вмѣстѣ съ новымъ поэтомъ, Константиномъ Ригасъ, казненнымъ въ 1798 г. въ Бѣлградѣ за пѣсни, призывавшія къ оружію угнетенныхъ Грековъ».

Такъ — по Анненкову — печаталось это стихотвореніе во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина (съ произвольной замѣной словомъ «*Святые* мраморы Аѳинъ» якобы цензурнаго многоточія), но въ 1903 году Шляпкинъ внесъ «исправленія» и напечаталъ по той же рукописи пьесу въ иной редакціи — и опять таки неточной:

Возстань, о Греція, возстань —
Недаромъ напряг(*аешь*) силы,
Недаромъ *потрясаетъ* брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.
Страна героевъ и боговъ
Разсторгла рабскія вериги
При пѣньи пламѣнныхъ (sic)[1]) стиховъ
Тиртея Байрона и Риги.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода юная возникла. —
Ѳесея гробъ и гробъ Перикла
Средь мраморныхъ Аѳинъ

Въ своемъ комментаріи И. А. Шляпкинъ очень робко подошелъ къ правильной датировкѣ стихотворенія 1829 годомъ и къ совершенно справедливому и основательному предположенію, что никакихъ другихъ автографовъ этого стихотворенія не было у Анненкова. Робкія, но серьезныя указанія его были отвергнуты

1) Почему «sic»? — въ рукописи «пламенныхъ».

послѣдующимъ изданіемъ — Брокгауза и Ефрона, и съ мнѣніемъ И. А. Шляпкина очень рѣзко разошелся Н. О. Лернеръ, пытающійся перенести эту пьесу — къ 1821 году.

Приведемъ отдѣльные выдержки изъ весьма пространнаго комментарія Н. О. Лернера къ пьесѣ Пушкина: «По цензурнымъ условіямъ изъ седьмого стиха было выброшено слово «Святые», появившееся въ изданіи Г. Н. Геннади (1859 г., I, 282)». Что это не были «цензурныя условія» — мы уже знаемъ... «Въ бумагахъ Анненкова сохранился автографъ Пушкина, принадлежащій нынѣ И. А. Шляпкину («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, стр. 18—19); онъ написанъ на бумагѣ 1830 г. и представляетъ столь существенныя отличія отъ напечатаннаго Анненковымъ текста, что, зная точность этого издателя, приходится заключить, что Анненковъ напечаталъ стихи съ другого оригинала, который намъ нынѣ неизвѣстенъ». «Точность» Анненкова мы имѣли множество случаевъ провѣрить, а въ данномъ случаѣ рукопись опредѣленно исключаетъ возможность предполагать, что «Анненковъ напечаталъ стихи съ другого оригинала» (не говоримъ уже о томъ, что врядъ ли Анненковъ предпочелъ бы *черновикъ* 1823 года черновику 1829 года)... «И. А. Шляпкинъ склоненъ отнести принадлежащую ему редакцію къ 1829 г., что, замѣтимъ, недопустимо въ виду того, что бумага, на которой она написана, носитъ водяное клеймо 1830 г.». Замѣтимъ, что И. А. Шляпкинъ печатаетъ пьесу подъ 1830 годомъ, водяного же клейма «1830 г.» на бумагѣ не существуетъ, ибо бумага оборвана послѣ первыхъ двухъ цифръ «18», о началѣ третьей цифры можно только догадываться, а четвертой нѣтъ и не можетъ быть и въ поминѣ. . «Настоящее изданіе, придерживаясь единственнаго первоисточника — Анненкова, тоже помѣстило стихотвореніе подъ 1823 г.». Выскажемъ наше скромное мнѣніе, не для всѣхъ, повидимому, обязательное: для насъ «единственнымъ первоисточникомъ» является не Анненковъ, а Пушкинъ, его подлинная, сохранившаяся рукопись, и авторитету рукописи Пушкина мы гораздо болѣе довѣряемъ, чѣмъ всѣмъ авторитетамъ нашихъ пушкинистовъ.

Дальше идутъ домыслы Н. О. Лернера, мало убѣдительные для того, чтобы ихъ приводить цѣликомъ:

«Есть, однако, важные доводы въ пользу перенесенія его въ 1821 г. Не говоря уже о томъ, что въ стихахъ рѣчь идетъ о началѣ греческаго возстанія (а не объ Адріанопольскомъ мирѣ 2 сентября 1829 года? — М. Г.), вспыхнувшаго въ 1821 г., есть еще другія вѣскія основанія относить ихъ именно къ 1821 г. Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. Пушкинъ совершенно измѣнилъ своему прежнему энтузіастическому отношенію къ грекамъ и греческому движенію. Въ 1821 г. Пушкинъ говорилъ о греческомъ возстаніи съ сочувствіемъ и восторженно писалъ..... Въ 1823 г. революціонныя движенія уже не возбуждали въ Пушкинѣ, на глазахъ котораго происходило крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Испаніи, Неаполѣ (см. стихи 1823 г. «Недвижный стражъ дремалъ».....выше, стр. 208—209), прежняго пламеннаго сочувствія, и онъ скептически писалъ:

Паситесь, мирные народы...

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ о «полнѣйшемъ ничтожествѣ» видѣнныхъ имъ въ Одессѣ и Кишиневѣ «современныхъ Леонидовъ», лишенныхъ энтузіазма, не имѣющихъ понятія о чести. Правда, онъ говорилъ, что «очень интересуется греческимъ дѣломъ», — но прежняго восторга, которымъ дышутъ его отзывы о грекахъ 1821 г., уже не слышно...».

3. Ненаписанное стихотвореніе Пушкина.

(Послѣ битвы).

То было вскорѣ послѣ боя
Какъ счастье бросило героя
И рать побитая кругомъ
Лежала на крови...
И власть, и слава измѣнила
Какъ ихъ поклонники

Такъ напечаталъ И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина») черновой набросокъ Пушкина, и такъ печатается съ тѣхъ поръ это «стихотвореніе» въ собраніяхъ сочиненій Пушкина. Въ подлинной рукописи Пушкина, изъ которой Шляпкинъ извлекъ этотъ набросокъ, мы читаемъ:

вскорѣ
То было — — — послѣ боя
Какъ Щ.[1]) [Шв.]
[Когда] [пок] бросило Героя —
И рать
[Кругомъ лежала рать] побитая
И *нерзб*[3]) въ [ра] [битв][4]) кругомъ
[У] — — — . направо[2])
[Перебѣжали] родъ людской[4])
[И] власть и Слава
какъ ихъ покли *нерзб*[5])
[И в] [На Царск[4] перешли[4])]

Сбоку послѣ этого записано:

[И Власть и Слава]
Какъ
[Ему] будто люди[6]) измѣнили
Власть и Слава
Измѣнили подобно людямъ
[Измѣнили] [какъ] [люди], Ихъ
суетнымъ поклонникамъ —

1) Большое «Щ.» и еще болѣе сосѣдство съ зачеркнутымъ «Шв.» говоритъ о недопустимости расшифровки этого «Щ.» какъ счастье.

2) Слово разобрано предположительно (риѳма со «Слава»?), но во всякомъ случаѣ не можетъ быть прочитано «направо».

3) Чтеніе «Лежала» совершенно невозможно.

4) Разобрано предположительно.

5) Слово написано неразборчиво, но не можетъ быть прочтено какъ «поклонники».

6) Въ рукописи описка: «людти».

Перешли на сторону то-
ржествъ Цар

Мы не только отказываемся извлекать изъ этого наброска связное чтеніе, но и настаиваемъ на невозможности и недопустимости такого извлеченія — вольной композиціи: въ принятомъ связномъ видѣ эти строки должны быть изъяты изъ сочиненій Пушкина, хотя бы онѣ помѣщались и среди такъ называемыхъ «черновыхъ набросковъ».

М. Л. Гофманъ.

Стихотворная екладчина Пушкина и Дениса Давыдова.

(Новое четверостишіе Пушкина).

Любопытный автографъ былъ обнаруженъ мною нѣсколько лѣтъ назадъ въ извѣстномъ собраніи Э. П. Юргенсона, нынѣ онъ принадлежитъ мнѣ. На четвертушкѣ бумаги рукою Дениса Давыдова записана пьеса въ двѣнадцать стиховъ:

Люблю тебя какъ сабли лоскъ
Когда пріосенясь фуражкой
Съ вишогочивою баклажкой
Идешъ въ бивачной мой кіоскъ.

Когда летая по рядамъ
Горишъ какъ свѣчка въ дымѣ бранномъ
Или въ бордели окаянномъ
Ты лупишъ сводню по щекамъ.

О рыцарь, удаль усачей
Гордясь пороками своими
Чаруй съ гусарами лихими
И очаровывай блядей.

Стихотвореніе это, лихого гусарскаго пошиба, Давыдовъ напечаталъ въ сборникѣ своихъ стиховъ, который издалъ въ 1832 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Герою бигвъ, бивакомъ, трактировъ и б.....», съ замѣною точками нѣсколькихъ фривольныхъ словъ; затѣмъ оно вошло въ первое посмертное изданіе его сочи-

вений, выпущенное его сыновьями (М. 1860, ч. III, стр. 24), подъ заглавіемъ «Храброму повѣсѣ»[1]). Въ печати оно появилось съ прибавленіемъ еще одной строфы:

Киплю, любуюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую,
Какъ старый хрычь, цыганъ Илья,
Грядитъ на пляску удалую,
Подъ ладъ плечами шевеля.

Эта строфа принадлежитъ не Денису Давыдову, а почти цѣликомъ *Пушкину*. На оборотѣ автографа Давыдова *рукою Пушкина* (см. прилагаемый снимокъ) написано слѣдующее:

3.

Такъ старый хрычь Цыганъ Илья
Подъ ладъ плечами шевеля
Глядитъ на удаль плясовую
[да чешетъ голову сѣдую]

(Послѣдній стихъ зачеркнутъ, но небрежно и не такъ густо, чтобы нельзя было его разобрать). Внизу опять рукою Пушкина:

Ecrit de la main
de Davidof
(general de cavalerie,
Seigneur de Borodino
etc).

Какой-то прежній обладатель автографа приписалъ рядомъ: «écriture du célèbre Pouskine».

Въ авторствѣ Пушкина такъ же не можетъ быть никакихъ сомнѣній, какъ и въ почеркѣ. На него указываетъ прежде всего французская приписка. Смыслъ этого шуточнаго «удостовѣренія»

1) Въ соч. Д. В. Давыдова, изд. Я. Соколова, подъ ред. А. О. Круглаго, СПб., 1895, стр. 18, оно снабжено датой, которой трудно повѣрить: 1804 г.

ясенъ: Пушкинъ присочинилъ одну строфу къ стихотворенію Давыдова и подарилъ ее ему. Тотъ ею и воспользовался, включивъ ее третьей по порядку (на что и указываетъ стоящая надъ нею цифра 3) въ свое стихотвореніе и лишь слегка ее передѣлавъ. Въ шуточной своей припискѣ, награждая Давыдова важнымъ титуломъ Наполеоновскаго стиля: «Seigneur de Borodino», Пушкинъ какъ бы проситъ читателя не вѣрить собственнымъ глазамъ: «писано рукой Давыдова», хотя видно сразу, чья это рука.

Самая фактура четверостишія и печально-ироническое противопоставленіе автора, который и радъ бы плясать, какъ старый Илья [1]), да годы не тѣ, молодому, полному силъ повѣсѣ — вполнѣ въ духѣ Пушкина. Въ свои юные годы онъ вообще любилъ изображать себя усталымъ и отжившимъ; кстати, это давало ему возможность добродушно подтрунивать и надъ собой, и надъ другими. Въ посланіи къ кишиневскому другу Н. С. Алексѣеву, 1821 г., онъ говорилъ:

Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ.

Въ томъ же 1821 г. онъ писалъ Дельвигу, вспоминая петербургскихъ друзей-поэтовъ:

Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ
И, чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...

1) О пѣвцѣ Ильѣ см. нашъ очеркъ «Пушкинъ и Цыганы» («Столица и Усадьба» 1915 г., № 18), часть котораго составляетъ содержаніе настоящей замѣтки.

Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки наша сводня
На шашни молодыхъ...

То же сравненіе встрѣчаемъ вскорѣ во второй главѣ «Евгенія Онѣгина»:

Когда прибѣгшемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины...
Мы любимъ слушать иногда
Чужихъ страстей языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ.
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей...

Когда могли быть написаны эти строки и при какихъ обстоятельствахъ? Трудно сказать. Автографъ не дастъ никакихъ указаній, а Пушкинъ встрѣчался съ Давыдовымъ въ разные годы и довольно часто. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно отнести стихотвореніе къ второй половинѣ двадцатыхъ или 1830—1831 гг. Доживая въ Москвѣ свои послѣдніе холостые дни, Пушкинъ новый 1831 годъ (письмо къ князю П. А. Вяземскому 2-го января) «встрѣтилъ съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ «Пріѣхали сани»:

Давыдовъ съ поздрями,
Вяземскій съ очками,
Татаринъ съ усами,
Дѣвокъ испугали
И всѣхъ разогнали

и проч.». Этой или другой встрѣчѣ Пушкина и Давыдова у цыганъ, быть можетъ, обязана возникновеніемъ ихъ маленькая

поэтическая складчина. Надо замѣтить, что царь русской поэзіи не былъ недоступно-гордъ и никогда не любилъ задавать тонъ, какъ какой-нибудь Кукольникъ или Бенедиктовъ. Вмѣстѣ съ Боратынскимъ онъ однажды сочинилъ эпиграмму на князя Шаликова, участвовалъ въ составленіи экспромптовъ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ, написалъ съ Дельвигомъ комическую элегію на смерть старой тетушки, внесъ свою лепту въ веселый «капонъ» Глинкѣ, сочиненный пріятелями по случаю успѣха его «Жизни за Царя». Поэтъ А. И. Подолинскій вспоминалъ, какъ однажды Пушкинъ обратился къ нему: «помогите намъ состряпать эпиграмму» (это была знаменитая эпиграмма на Каченовскаго «Въ Элизіи Василій Тредьяковскій»...,— «Русск. Архивъ» 1872 г., ст. 859). Сообща съ Языковымъ онъ составилъ нѣсколько пародій на апологи Дмитріева. Извѣстны еще два—три такіе случая, когда Пушкинъ, со своей очаровательной простотой, принималъ равное съ другими, гораздо ниже его стоявшими авторами, участіе въ коллективной, большей частью шуточной, работѣ. Но, въ своей душевной щедрости, онъ иногда дарилъ гораздо больше: такъ онъ уступилъ юношѣ В. П. Титову готовые контуры разсказа «Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ», отдалъ Гоголю фабулу «Ревизора»...

П. Лернеръ.

Пушкинъ — ходатай за Мицкевича [1]).

Печатаемыя ниже строки Пушкина относятся къ самому началу 1828 года; онѣ важны не столько съ литературной, сколько съ исторической и біографической стороны и лишній разъ выказываютъ въ тепломъ свѣтѣ *человѣческую* сущность души Пушкина, которой столь свойственны были высшіе порывы къ добру и справедливости. Самъ «поднадзорный», незадолго передъ тѣмъ возвращенный изъ ссылки и получившій лишь видимость личной и духовной свободы (ибо поставленъ былъ въ оффиціальныя, подчиненныя отношенія къ «высшей полиціи» и тогдашнимъ ея представителямъ — Бенкендорфу и фонъ-Фоку, начальникамъ всесильнаго когда-то, мрачной памяти III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи) — нашъ чистосердечный, незлобивый поэтъ-гражданинъ берется хлопотать — и хлопочетъ — о своемъ новомъ другѣ, другѣ-изгнанникѣ, представителѣ братскаго народа, также, какъ и онъ самъ, — поэтѣ «Божіею милостью» — Адамѣ Мицкевичѣ. Напомнимъ, что позже, въ 1834 г., вспоминая промчавшіеся годы, писалъ о немъ Пушкинъ въ своемъ извѣстномъ, дошедшемъ до насъ лишь въ наброскахъ, стихотвореніи [2]):

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго: но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,

1) Замѣтка эта перепечатывается, въ передѣланномъ и нѣсколько дополненномъ видѣ, изъ № 1-го (и, къ сожалѣнію, послѣдняго) Литературной Газеты «Прида» отъ 3-го іюня 1918 г., стр. 2—3 (фельетонъ).

2) Даемъ текстъ черновика, находившагося въ собраніи покойнаго Великаго Князя Константина Константиновича, завѣщаннаго имъ въ Пушкинскій Домъ при Россійской Академіи Наукъ.

И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высока взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили...

Въ этихъ строкахъ Пушкинъ вспоминалъ о «быломъ» Мицкевичѣ, нѣкогда столь близкомъ ему по духу, но, взволнованный его политическими настроеніями и выступленіями, продиктованными Русско-ольскими событіями 1830—1831 гг., говорилъ далѣе:

. . . . . Теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, — и ядомъ
Стихи свои, въ угоду черни буйной,
Онъ напоялъ. Издали до насъ
Доходитъ голосъ злобнаго [падшаго] поэта,
Знакомый голосъ! Боже! освяти
Въ немъ сердце правдою твоей и миромъ
И возврати ему...
[Твой миръ въ его озлобленную душу]...

Пути двухъ поэтовъ въ ту пору разошлись: въ каждомъ слишкомъ сильны были *національныя* чувства, сознаніе принадлежности къ *своему* народу и долга передъ *нимъ*... Не то было въ 1826—1828 гг. Познакомившись въ послѣдніе мѣсяцы 1826 года въ Москвѣ, куда Мицкевичъ прибылъ въ мартѣ этого года, будучи опредѣленъ на службу въ гражданскую канцелярію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Д. В. Голицына [1]), друзья-поэты быстро сошлись очень близко и тѣсно

1) См. О. Вержбовскій: Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 гг.— «Сборн. Отдѣленія Русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», т. LXVI, № 5, С.-Пб. 1898, стр. 41 и сл.; записанный П. П. Бартеневымъ разсказъ о Мицкевичѣ—«Русск. Арх.» 1898 г., № 7, стр. 480 (съ опечаткой въ годѣ).

сдружились. Много обстоятельствъ содѣйствовало этому сближенію: и личный характеръ Пушкина, самая природа его души, всегда общительной, живой, легко и охотно отзывавшейся на всякое доброе чувство, а въ то время, въ періодъ упоенія полученной свободной, — даже экспансивной; и общее настроеніе окружающей литературной и свѣтской среды, въ которой оба поэта вращались въ то время. Одинъ изъ современниковъ (князь Вяземскій) пишетъ по поводу пребыванія въ Москвѣ Польскаго поэта: «Мицкевичъ радушно принятъ въ Москвѣ. Она видѣла въ немъ подпавшаго дѣйствію административной мѣры, ни мало не заботясь о поводѣ, вызвавшемъ эту мѣру; въ это время не существовало еще такъ называемаго Польскаго вопроса. Все располагало къ нему общество: онъ былъ уменъ, благовоспитанъ, одушевленъ въ разговорахъ, держался просто, не корчилъ изъ себя политической жертвы, въ немъ не было ни слѣда польской заносчивости, ни обрядной уничижительности. При оттѣнкѣ меланхолическаго выраженія въ лицѣ онъ былъ веселъ, остроуменъ, метокъ въ словахъ и выраженіяхъ, говорилъ хорошо по-русски». Пушкинъ былъ плѣненъ Мицкевичемъ и его поэтическимъ и импровизаторскимъ талантомъ; съ своей стороны и Польскій поэтъ отнесся къ Пушкину съ искреннѣйшею симпатіею и быстро оцѣнилъ его геніальность. «Я съ нимъ знакомъ», писалъ онъ своему другу Одынцу въ мартѣ 1827 г.: «и мы часто видаемся. Пушкинъ почти ровесникъ мнѣ... Въ бесѣдѣ онъ очень остроуменъ и пылокъ, читалъ много и хорошо знаетъ современную литературу; понятія его о поэзіи чистыя и возвышенныя. Онъ теперь написалъ трагедію «Борисъ Годуновъ»; я знаю нѣсколько сценъ ея въ историческомъ родѣ, хорошо задуманныхъ и съ прекрасными частностями»[1]).

Вскорѣ затѣмъ, 19-го мая 1827 г., Пушкинъ покинулъ Москву и вторую половину этого года провелъ большею частію въ Петербургѣ; сюда же, въ свитѣ князя Д. В. Голицына, въ первыхъ

1) Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 344.

числахъ декабря 1827 г. пріѣхалъ и Мицкевичъ, вскорѣ сдѣлавшійся центромъ вниманія со стороны столичной Польской колоніи и прогостившій въ столицѣ до начала февраля 1828 г.[1]); въ этотъ пріѣздъ онъ, безъ сомнѣнія, видался и съ Пушкинымъ; хотя точныхъ указаній на ихъ сношенія до насъ и не дошло, — за то мы имѣемъ теперь документъ, съ опредѣленностію показывающій, что сердцу Пушкина была въ это время очень близка судьба опальнаго Польскаго поэта: въ числѣ различныхъ безымянныхъ и незначительныхъ бумагъ фонъ-Фока, управлявшаго III Отдѣленіемъ, намъ удалось найти остававшуюся доселѣ неизвѣстной записку Пушкина по дѣлу Мицкевича, отъ 7-го января 1828 г.; она составлена въ обычной формѣ «меморандума», или «памятной записки», передаваемой при *личномъ* ходатайствѣ, и писана, на листѣ писчей бумаги большого формата, обычнымъ «параднымъ» или оффиціальнымъ почеркомъ Пушкина:

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu à l'age de 17 ans, à une societé littéraire qui n'exista que pendant quelques mois, fut mis aux arrets par la comission d'enquête de Vilna (1823). Mickewicz convint d'avoir connu l'éxistance d'une autre societé litteraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but qui étoit de propager le Nationalisme Polonais. Aureste cette societé ne dura non plus qu'un moment et fut dissoute avant l'Onkase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces Russes, jusqu'à ce qu'il plut à S. M. l'Empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du General Witt et sous ceux du General Gouverneur de Moscou. Il espère que leurs suffrages lui étant favorables, l'Autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'apellent des affaires domestiques.

7 Janvier.
1828.

1) А. Л. Погодинъ, Адамъ Мицкевичъ, т. II, М. 1912, стр. 72—75.

Переводъ: Адамъ Мицкевичъ, профессоръ Университета въ Ковнѣ [1]), за принадлежность, въ возрастѣ 17 лѣтъ, къ одному литературному обществу, которое существовало въ продолженіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, былъ арестованъ Виленскою слѣдственной коммиссіей (1823) [2]). Мицкевичъ сознается, что зналъ о существованіи и другого литературнаго общества, но всегда былъ въ невѣдѣніи о цѣли его, которая состояла въ распространеніи идей Польскаго Національнализма. Впрочемъ, и это общество существовало лишь самое короткое время и было закрыто до изданія указа [3]). По истеченіи 7 мѣсяцевъ Мицкевичъ былъ выпущенъ на свободу и высланъ въ Русскія губерніи, — до тѣхъ поръ, пока Государю Императору благоугодно будетъ разрѣшить ему возвратиться. Онъ служилъ подъ начальствомъ Генерала Витта [4]) и Московскаго Генералъ-Губернатора. Онъ надѣется, что такъ какъ ихъ отзывы для него благопріятны, Правительство позволитъ ему возвратиться въ Польшу, куда призываютъ его домашнія обстоятельства [5]).

7 Января.
1828.

Ходатайство поэта, составленное не безъ дипломатической ловкости, не увѣнчалось немедленнымъ успѣхомъ, хотя, надо ду-

1) Въ дѣйствительности Мицкевичъ былъ кандидатомъ и магистромъ философіи Виленскаго Университета, а затѣмъ—преподавателемъ въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ.

2) См. объ этомъ, между прочимъ, въ статьѣ Ѳ. Вержбовскаго: Къ исторіи тайныхъ обществъ и кружковъ среди литовско-польской молодежи 1819—1823 г. — «Варшавск. Унив. Изв.» 1897 г., № 8—9, и его же назв. соч., стр. 5, 22—20 и др.

3) Т. е., указа 1822 г. о закрытіи масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ.

4) Графъ. И. О. Виттъ управлялъ въ 1824 г. Одесскимъ Ришельевскимъ Лицеемъ, въ который Мицкевичъ тогда назначилъ желаніе служить (Ѳ. Вержбовскій, назв. соч.).

5) Мицкевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Малевскимъ возбуждали ходатайство объ отпускѣ ихъ на родину, «для устройства семейственныхъ дѣлъ», еще въ августѣ 1826 г., но тогда не получили на это разрѣшенія (Ѳ. Вержбовскій, назв. соч., стр. 65—68).

мать, все-таки помогло Мицкевичу освободиться отъ столь несвойственной ему роли чиновника гражданской канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора: вскорѣ послѣ полученія памятной записки Пушкина, когда Мицкевичъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, фонъ-Фокъ, при очередномъ своемъ письмѣ (отъ 9 мая 1828 г.) къ находившемуся тогда въ отъѣздѣ съ Николаемъ I Бенкендорфу, послалъ послѣднему особую замѣтку (среди другихъ замѣтокъ, которыя онъ озаглавливалъ: «Секретная Газета», № такой-то) слѣдующаго содержанія:

Секретная Газета.

5.

Сюда переселились изъ Москвы два поляка: первый — польскій поэтъ *Мицкевичъ* и другъ его *Малевскій*, принадлежавшіе нѣкогда къ Студентскому Виленскому обществу Филаретовъ, за что они, вмѣсто наказанія, высланы изъ Литвы на жительство въ Россію, въ 1824 году. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, общество сіе не имѣло никакой возмутительной цѣли. Главныя его правила были: учиться, не пить, не играть въ карты, помогать своимъ товарищамъ, а политическая цѣль была, чтобъ распространять Польскую Національность [1]).

Мицкевичъ и Малевскій люди образованные, тихіе, скромные, ведутъ себя отлично въ отношеніи нравственномъ и политическомъ и во-все непримѣшались отъ своей школьной политики. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ Князь Голицынъ особенно имъ покровительствуетъ и неоднократно ходатайствовалъ за ними (sic). По ходатайству Князя Голицына Малевскій, какъ искусный законникъ и Магистръ Правъ, опредѣляется въ Сенатскія Метрики, гдѣ онъ будетъ весьма полезенъ Сперанскому при составленіи свода Польскихъ Законовъ. Сперанскій знаетъ о достоинствѣ

1) Это выраженіе взято Фокомъ прямо изъ записки Пушкина.

Малевскаго. — Мицкевичъ ищетъ себѣ мѣста въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ[1]).

Казалось бы лучше всего, чтобъ не мѣшать переселенію этихъ смирныхъ молодыхъ людей изъ Москвы въ Петербургъ. Во-первыхъ, этимъ Правительство получитъ много приверженцевъ между молодыми Поляками; во-вторыхъ, пора бы предать забвенію дѣтскіе проступки; въ третьихъ если Мицкевичъ и Малевскій такъ хороши, какъ объ нихъ со всѣхъ сторонъ относятся, то они не только не сдѣлаютъ вреда, но произведутъ пользу въ Петербургѣ, поселяя въ юношествѣ хорошія правила: если же окажется, что образъ мыслей ихъ не таковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, то здѣсь лучше и удобнѣе за ними наблюдать и, въ случаѣ нужды, принять свои мѣры. Въ Москвѣ же между молодыми людьми пребываніе ихъ не можетъ быть полезно, ни имъ самимъ, ни другимъ, ибо духъ Московскаго юношества извѣстенъ[2]).

Любопытно отмѣтить, какъ разъ въ это время, когда Фокъ заступался за Мицкевича, возникла обширная переписка властей (барона И. И. Дибича, Н. Н. Новосильцова и графа А. И. Чернышева) о Мицкевичѣ по поводу изданной имъ тогда въ Петербургѣ поэмы «Konrad Wallenrod», — но переписка эта окончилась благополучно для поэта и ходатайство за него Пушкина въ концѣ концовъ осуществилось въ полной мѣрѣ: возбужденное властями «дѣло» было «оставлено безъ дальнѣйшаго вниманія»[3]), а Мицкевичъ весною 1829 г. получилъ возможность выѣхать за границу.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1828—

1) Это невѣрно: Мицкевичъ желалъ перейти на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ (Ѳ. Вержбовскій. назв. соч., стр. 92 и сл.).

2) На этой запискѣ нѣтъ никакихъ помѣтъ; между тѣмъ, на двухъ другихъ, одновременно посланныхъ, есть карандашныя помѣты Николая I, свидѣтельствующія о томъ, что онѣ были читаны Императоромъ.

3) См. сообщеніе И. Д[убровина]: «И. И. Гречъ, О. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ» — въ «Русск. Старинѣ» 1903 г., № 11, стр. 338—351, по дѣламъ Архива бывшаго III Отдѣленія; и «Былое» 1906 г., апр., стр. 38—41.

1829 г. Мицкевичъ нерѣдко видался съ тѣмъ, кого позже назвалъ: «Народа Русскаго избранникъ, прославленный на Сѣверѣ пѣвецъ». Пушкинъ принималъ Мицкевича и у себя, въ Демутовой гостинницѣ, встрѣчалъ его и у общихъ знакомыхъ, — напр., у барона Дельвига, у К. А. Собанской, у графа И. С. Лаваля, вѣроятно — у Жуковскаго и Козлова; тогда же Пушкинъ принялся за переводъ «Конрада Валленрода» и «мастерски» перевелъ начало его, а также подарилъ ему свою «Полтаву»[1]); въ это же время, вѣроятно, онъ получилъ отъ Мицкевича и экземпляръ сочиненій Байрона, изданія 1826 г., съ надписью на польскомъ языкѣ: «Байрона Пушкину посвящаетъ поклонникъ обоихъ — А. Мицкевичъ»[2]).

Съ отъѣздомъ Мицкевича изъ Россіи прекратились личныя сношенія поэтовъ, хотя оба они, конечно, никогда не теряли другъ друга изъ виду[3]); а когда Пушкинъ погибъ, Мицкевичъ написалъ свою извѣстную статью о русскомъ національномъ поэтѣ и, подписавъ ее: «Одинъ изъ друзей Пушкина», показалъ тѣмъ самымъ, что онъ не измѣнилъ чувствамъ преданности и признательности къ своему собрату и ходатаю.

Б. Модзалевскій.

1) Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 466.

2) Б. Л. Модзалевскій: Библіотека А. С. Пушкина — «Пушк. и его совр.», вып. IX—X, стр. 183 и табл. при стр. 264.

3) Отношеніямъ Пушкина и Мицкевича посвящено немалое число статей и замѣтокъ; см. въ трудѣ Л. А. Чижикова: Адамъ Мицкевичъ (Библіографическій указатель русской о немъ литературы) — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.», т. XX, 1915 г., кн. 2, стр. 125—151, и въ соч. Пушк., ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 466—467, и у А. Погодина, Назв. соч., стр. 21—24.

Новый автографъ Пушкина:

Замѣчанія по поводу двухъ статей В. К. Кюхельбекера.

Въ изданіяхъ сочиненій Пушкина въ числѣ критическихъ и критико-библіографическихъ его произведеній обыкновенно печатается небольшой отрывокъ, начинающійся словами: «Критики смѣшиваютъ вдохновеніе съ восторгомъ». Редакторы обыкновенно даютъ этому отрывку названіе «О вдохновеніи и восторгѣ», одни, указывая отсутствіе заглавія въ оригиналѣ заключеніемъ его въ скобки, другіе, обходясь безъ такого указанія.

Отрывокъ этотъ безъ заглавія впервые напечатанъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» П. В. Анненкова (стр. 257—258). Поводъ написанія изложенъ Анненковымъ въ такихъ словахъ, помѣщенныхъ передъ текстомъ отрывка:

«Возражая на статью одного журнала 1824 года (Мнемозина, часть II, статья «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе), гдѣ поэзія русская дѣлилась на лирическую и элегическую [слѣд. читать «эпическую»] и первой отдавалось преимущество, какъ содержащей болѣе силы и признаковъ восторга, главнаго зиждителя поэзіи, — Пушкинъ отвергалъ важность, какую вообще придаютъ послѣднему въ дѣлѣ творчества. Замѣтка эта особенно любопытна въ устахъ Пушкина».

Значеніе отрывка П. В. Анненковъ опредѣляетъ такъ: «Строки эти имѣютъ въ глазахъ нашихъ особенную важность: онѣ принадлежатъ къ разряду автобіографическихъ матеріаловъ: такъ Пушкинъ выразилъ въ нихъ характеръ собственнаго таланта, и даже исторію будущаго его развитія! Спокойствіе и обсужденіе,

какъ условія прекраснаго, положены имъ были въ основу многихъ собственныхъ произведеній и сродняли ихъ съ типами изящнаго, оставленными классической древностію. Значеніе труда въ его произведеніяхъ мы уже видѣли и еще не разъ будемъ видѣть, а удивленіе его передъ геніальнымъ планомъ объяснится еще впослѣдствіи для читателей тѣми долгими, глубокими соображеніями, какія предшествовали у него самого изложенію предмета. Въ замѣткахъ Пушкина открывается даже, по нашему мнѣнію, и то расположеніе къ эпическому роду произведеній, которому онъ подчинился уже такъ полно не задолго до смерти своей».

Отрывокъ статьи Пушкина, напечатанный Анненковымъ и приведенныя здѣсь слова для послѣдующихъ изслѣдователей Пушкинскихъ текстовъ остались единственнымъ матеріаломъ при разработкѣ исторіи его написанія, комментированія и опредѣленія даты, такъ какъ рукопись, бывшая въ рукахъ у Анненкова, затерялась и поэтому изученіе отрывка съ 1855 года не могло далеко двинуться впередъ. Въ недавнее время въ бумагахъ Л. Н. Майкова, хранящихся въ Рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ, найденъ совершенно неизвѣстный доселѣ автографъ Пушкина, имѣющій ближайшее отношеніе къ произведенію, извѣстному въ печати подъ названіемъ «О вдохновеніи и восторгѣ».

Благодаря этой находкѣ нынѣ является возможность вновь пересмотрѣть вопросъ объ отрывкѣ, въ частности опредѣлить, къ какой статьѣ онъ относится, ознакомиться съ неизвѣстными ранѣе частями этой статьи, точнѣе выяснить поводъ къ ея написанію и наконецъ болѣе или менѣе точно узнать ея дату.

Рукопись, найденная въ бумагахъ Л. Н. Майкова, представляетъ собою небольшую тетрадку, въ 8-ую долю листа (19 × 12 сант.), въ 6 листовъ. Она написана на грубоватой бумагѣ съ vergeures и съ филиграню — левъ съ сѣкирой въ кругѣ подъ короной и съ надписью между концентрическими линіями круга Pro patria. На лицевой сторонѣ 1—4 листовъ жандармскія помѣтки краснымъ черниломъ: 10, 8, 9, 12; и на 6-мъ — 11.

Текстомъ заняты лицевыя стороны листовъ 1, 2 и 3 и половина 1-ой страницы 4-го; на л. 6 об. черновая замѣтка, относящаяся къ тексту, и заглавія четырехъ статей Пушкина.

Тетрадка содержитъ черновикъ одного произведенія безъ заглавія, заключающаго въ себѣ замѣчанія по поводу двухъ статей В. К. Кюхельбекера, напечатанныхъ въ «Мнемозинѣ»: «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» и «Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ», что явствуетъ изъ первыхъ словъ рукописи: «Статьи о напр. и Разг. съ Г. Б. обратили на себя вниманіе многихъ и послужили основаніемъ всего что сказано было противу Р. литературы въ послѣдніе 2 года». Статья, записанная въ тетрадкѣ, представляетъ далеко не окончательную редакцію: это скорѣе наброски мыслей, иногда не связанныхъ между собою: въ ней есть очевидные пропуски и недописанныя мѣста и нѣтъ конца. Текстъ, извѣстный подъ названіемъ «О вдохновеніи и восторгѣ» входитъ въ нее цѣликомъ. Что касается до вопроса, въ какомъ отношеніи находится къ Майковской рукописи та рукопись, которая была въ рукахъ у Анненкова, и можно ли думать, что Анненковская рукопись и рукопись, принадлежавшая Л. Н. Майкову, одно и то же, то, кажется, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Изъ приведенныхъ начальныхъ словъ статьи очевидно, что то, что сказано Анненковымъ о поводѣ къ *написанію отрывка* совершенно правильно и только нуждается въ нѣкоторомъ расширеніи, такъ какъ въ мысляхъ Пушкина было написать замѣчанія не только о статьѣ, напечатанной во 2-ой части Мнемозины, — «О направленіи нашей поэзіи», но также и о той, которая появилась въ 3-ей части въ отвѣтъ на критическія замѣчанія о ней Ѳ. Булгарина и написана въ видѣ діалога автора съ критикомъ — «Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ». Такой пропускъ у Анненкова, если онъ пользовался именно нашей рукописью, вполнѣ естественъ, потому что собственно мысли «Разговора» и не разбираются въ статьѣ Пушкина, и это не противорѣчило бы заключенію, что рукопись, нынѣ найденная, та самая, которая была у Анненкова. Но противъ такого предположенія говоритъ

то, что входящій въ статью извѣстный въ печати отрывокъ не вполнѣ тождественъ съ рукописнымъ текстомъ. Эти отличія заключаются въ несходствѣ чтенія нѣсколькихъ словъ, въ незначительныхъ пропускахъ и въ порядкѣ послѣдовательности отдѣльныхъ фразъ почти всегда при сохраненіи ихъ конструкціи. Если нѣкоторыя слова и могли быть случайно не такъ прочтены, а пропуски могли быть допущены, то перестановка фразъ едва ли не является доказательствомъ того, что рукопись, хранящаяся въ бумагахъ Майкова, не та, *которой воспользовался* Анненковъ. Трудно себѣ представить, чтобы онъ позволилъ себѣ какія-нибудь перестановки въ Пушкинскомъ текстѣ. Съ бо́льшей вѣроятностью надо предполагать, что существовала еще какая-то другая рукопись, тоже, конечно, черновая, которая послужила Анненкову оригиналомъ и теперь утрачена. Можетъ быть, она предшествовала нашей, если принять во вниманіе то, что Анненковъ говоритъ только о первой статьѣ Мнемозины, не случайно пропустивъ, какъ мы предположили выше, упоминаніе о второй статьѣ. Но съ другой стороны противъ этого говоритъ то, что напечатанная въ Сѣв. Цвѣтахъ 1828 г. въ статьѣ «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія» (стр. 216) мысль о вдохновеніи совершенно сходна съ Анненковскимъ текстомъ и отличается отъ текста нашей рукописи. Такимъ образомъ о хронологическомъ соотношеніи этихъ двухъ рукописей сказать что-нибудь вполнѣ опредѣленное пока еще затруднительно.

Дата статьи *опредѣляется довольно точно* въ отношеніи годъ словами Пушкина о томъ, что статьи Мнемозины «послужили основаніемъ всего, что сказано было противу Русской литературы *въ послѣдніе 2 года*». Вторая статья Кюхельбекера — «Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ» — была напечатана въ 3-ей части Мнемозины (стр. 157 — 177), которая къ печати была разрѣшена 16 окт. 1824 г., а вышла въ концѣ этого мѣсяца. Такимъ образомъ написаніе статьи можно относить не ранѣе какъ къ концу 1826—началу 1827 г. Къ тому же времени приводитъ и перечень заглавій, который написанъ на об. 6 листа рукописи:

«О Байронѣ», «О дворянствѣ», «О point d'honneur», «Прим[ѣры] невѣж[ливости]». Это заглавія тѣхъ мыслей, которыя были напечатаны Пушкинымъ безъ подписи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. (СПб. 1827) въ статьѣ «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія» (стр. 208—226). Совершенно опредѣленны замѣтки 4-ая— «Примѣры невѣжливости»[2]) (Сѣв. Цвѣты, стр. 211—212) и 3-ья (стр. 216—217) «О point d'honneur». 1-ая — «О Байронѣ» можетъ быть та, которая вошла въ эту же статью (стр. 219) и начинается словами: «Байронъ говорилъ, что никогда...», или та, которая была вызвана появленіемъ въ 1827 г. драмы В. П. Олина «Корсаръ». Что касается до заглавія 2-ой замѣтки — «О дворянствѣ», то выясненіе ея представляетъ нѣкоторыя затрудненія — можно ее сближать, но только подъ большимъ сомнѣніемъ съ замѣткой, напечатанной въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ, стр. 217, — о томъ, что должно гордиться славою своихъ предковъ; извѣстныя въ печати программы статей о дворянствѣ относятся къ болѣе позднему времени, и думать, что введенное въ перечень заглавіе относится къ нимъ, едва ли можно. Можетъ быть, это только предполагавшаяся къ написанію статья. Думаемъ, что перечень вообще заключаетъ въ себѣ статьи, предполагавшіяся къ напечатанію, и что былъ составленъ Пушкинымъ на память для будущаго изданія, а не послѣ того, какъ они были изданы, потому что едва ли могла быть какая-нибудь цѣль для составленія списка частей статьи послѣ напечатанія ея полностью. Поэтому, возможно, что въ списокъ вошли заглавія и не написанныхъ или написанныхъ, но не напечатанныхъ потомъ замѣтокъ. Сѣверные Цвѣты были разрѣшены къ печати 3 дек. 1827 г. Такимъ образомъ перечень надо отнести не позже, какъ ко второй половинѣ 1827 г. Ту же дату подтверждаетъ и упомянутая замѣтка «О вдохновеніи и восторгѣ», напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ въ той же статьѣ (стр. 216).

1) Кстати отмѣтимъ, что рукопись этой статьи (Майковъ, собраніе) написана на бумагѣ съ тѣмъ же знакомъ, какъ и описываемая здѣсь статья.

Представляю текстъ наброска статьи, заключая въ скобки [ ] зачеркнутыя слова, съ указаніемъ началъ листовъ и ихъ оборотовъ, такъ какъ между листами могли быть затерявшіяся части, а, можетъ быть, и то, что предполагалось къ написанію, но не было написано и отложено до другой минуты; особенно бросается въ глаза недописанное мѣсто въ концѣ стр. 3-ей: «мы напр» выписываемъ сіе мнѣніе» и пр. Что обозначаютъ ковычки при словахъ «мы напр.», хотѣлъ ли Пушкинъ сдѣлать какую-нибудь выписку (въ статьѣ Кюхельбекера такого сочетанія нѣтъ) или поставилъ ковычки для другой цѣли, сказать затрудняюсь. За текстомъ статьи печатается текстъ отрывка, находящагося на л. 6 об.

В. Срезневскій.

Текстъ статьи Пушкина.

Статья *о напр* и *разн* съ Р. Б. напечатанныя къ Мнем. обратили на себя вниманіе многихъ[1]) и [служать] послужили[2]) основаніемъ всего что сказано было противу Р. литературы въ послѣдніе 2 года. —

Статьи сіи написаны человѣкомъ ученымъ [благонамѣреннымъ] [безпристрастнымъ] и умнымъ [Правый или неправый онъ дастъ]. Онъ вездѣ прилагаетъ причины своего образа мыслей и даже доказательства своихъ сужденій [вещь] дѣло довольно рѣдкое въ нашей литературѣ. [] Никто не сталъ опровергать его, по- л. 1 об.
тому ли что всѣ съ нимъ согласились [или] потому ли что[3]) никто не надѣялся сладить съ [такимъ сильнымъ и смѣлымъ] атлетомъ повидимому сильнымъ и опытнымъ. [Какъ бы то ни было].

Не смотря на то многія изъ сужденій его [объ какъ общія такъ и частныя] ошибочны во всѣхъ отношеніяхъ. [] Онъ раздѣляетъ л. 2.

1) Строки съ словами «обратили... многихъ» перечеркнуты поперекъ.

2) Это слово написано не полностью, а только слоги «по» и «или», которые надписаны надъ «служать».

3) Приписано надъ строкой другими чернилами «не хотѣли связаться».

Русскую [словесность] поэзію на лирическую и эпичес. [Періодъ первый—ую—ая заключающ въ себѣ т. е. отъ Ломоносова до Шихмат, и отъ Ж]. Къ 1-ой относ. произв. старин. поэтовъ нашихъ, ко второй Ж. и его послѣд.

[Неразобр. 1 сл.] Теперь положимъ, что раздѣленіе сіе справедливо [не вижу какъ можно] и разсмотримъ какимъ обр. критикъ опредѣляетъ степень достоинства сихъ двухъ родовъ.

«Мы напр.» выписываемъ сіе мѣсто потому, что оно совер-
л. 2 об. шенно согласно съ нашимъ || что такое *сила* въ поэзіи? сила въ изобретеніи, въ разположеніи плана, въ слогѣ ли? «*Свобода?*» въ слогѣ въ разположеніи — Но какая же свобода въ слогѣ Ломонос и какаго плана требова [отъ] въ торж. одѣ?

вдохновеніе? есть [состояніе] разположеніе души [настроенной, готовой] къ живому[1] принятію впечатлѣній [и] слѣдств. къ быст[2] соображенію[3] понятій [способной къ] что и способствуетъ[4] [ихъ] объясненію оныхъ[5].

Вдохновеніе нужно въ поэзіи, какъ и въ геометріи. ||
л. 3. Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ.

Нѣтъ; рѣшительно нѣтъ — *восторгъ* исключаетъ [понятіе] *спокойствіе* необходимое условіе *прекраснаго*. восторгъ [исключаетъ] не предполагаетъ силы [умственной] ума [разположенной] располагающей частями въ отношеніи къ цѣлому. восторгъ не продолжителенъ, непостояненъ, слѣдств. не въ силѣ произвесть [не]
л. 3 об. истинное великое совершенство — (безъ котораго нѣтъ лирич. поэзіи). || *Гомеръ* неизмѣримо выше Пиндара — ода стоитъ на низ-

1) Сверху приписано другими болѣе темными чернилами и затѣмъ зачеркнуто: «воспр.»; въ сл. «живому» тѣми же чернилами зачеркнуто «ому».
2) Сл. «быст» подписано сверху другими чернилами.
3) Слогъ «же» надписанъ сверху другими чернилами.
4) Слова «что и способствуетъ» надписаны другими чернилами.
5) Сл. «оныхъ» приписано другими чернилами.

шихъ степеняхъ [творчества] поэмъ, — не говоря уже объ эпосѣ[1]), трагедія, комедія, сатира всѣ болѣе ея требуютъ [силы] творчества (fantaisie [силы] [генія] [фант] воображенія — геніальн знанія природы. — [Но въ] По *плана* нѣтъ въ одѣ[2]) и не можетъ быть— единый планъ [Иліады][3]) [Осво] [или][3]) Ода есть уже [прекрасной] плодъ высокаго Генія. Какой планъ въ Олимпійскихъ одахъ Пиндара || Какой планъ въ Водопадѣ лучшемъ произведеніи [без- л. 4.
смерт] [?] Державина? —

Ода исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно Великаго.

Текстъ отрывка.

восторгъ есть напряженное состояніе единаго воображенія, вдохновеніе можетъ [быть] безъ восторга, а восторгъ [без] безъ вдохновенія [не существуетъ] —

1) Сл. «не говоря» и слѣд. вписаны надъ словами «ода стоитъ», видимо, по ошибкѣ.
2) Сл. «плана» и слѣд. слегка зачеркнуты, повидимому, случайно.
3) Сл. «Иліады» и «или» зачеркнуты другими чернилами.

Автографъ наброска Пушкина «Забывъ и рощу и свободу».

Въ Анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» среди лирическихъ отрывковъ, написанныхъ въ разное время и не поддающихся, какъ говоритъ П. В. Анненковъ, ни классификаціи, ни опредѣленію ихъ взаимоотношеній, подъ № XI (стр. 346—347) напечатано четверостишіе безъ заглавія, начинающееся словами «Забылъ и рощу и свободу . . .».

Рукопись этого стихотворенія послѣ напечатанія его въ 1855 г. Анненковымъ пропала изъ виду и такимъ образомъ текстъ «Матеріаловъ» остался единственнымъ его слѣдомъ и оригиналомъ для послѣдующихъ издателей (см. Академическое изданіе, т. 3, № XXXVII, стр. 286 и прим. стр. 467).

Въ настоящее время затерявшуюся рукопись посчастливилось отыскать среди личныхъ бумагъ Л. Н. Майкова, которыя были нѣсколько лѣтъ назадъ переданы его вдовою А. А. Майковой въ Рукописное отдѣленіе Библіотеки Россійской Академіи Наукъ, но до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ еще не описаны. Теперь, благодаря этой находкѣ, мы не только имѣемъ возможность провѣрить текстъ стихотворенія по подлинилку, но и получаемъ нѣкоторыя реальныя основанія для опредѣленія времени его написанія, которое до сихъ поръ, трудно сказать почему, всѣми редакторами сочиненій Пушкина предположительно относилось къ 1824 году.

Обрывокъ бумаги, на которомъ написано это стихотвореніе,— самой малой величины: $9^1/_2 \times 7$ сантим. Бумага голубоватая, безъ vergeures, на обрывкѣ водянаго знака нѣтъ. На лицевой сторонѣ листка между 2-й и 3-й строками жандармская помѣта краснымъ

черниломъ *27*; въ правомъ краѣ карандашомъ написана буква *N*; на оборотной чистой сторонѣ шифра *6* черниломъ. Бумага по составу своему очень близка къ той, на которой написанъ отрывокъ 1836 г. «Изъ VI Пиндемонте», входящій въ Майковскую коллекцію, но болѣе свѣтлая чѣмъ эта бумага; похожа бумага и въ сохранившихся въ той же Майковской коллекціи обрывкахъ письма Пушкина къ барону Геккерену 1836 г. Эти данныя приближаютъ время написанія наброска, если не опредѣленно къ 1836 году, то во всякомъ случаѣ къ 1830-мъ гг. За 1830-ые годы и даже не за начало ихъ говоритъ и почеркъ наброска, болѣе тонкій и острый, чѣмъ былъ у Пушкина раньше.

Что касается до текста наброска, то въ Анненковскомъ чтеніи, а слѣдовательно и во всѣхъ другихъ изданіяхъ, вкралось двѣ ошибки. Въ 1-й строкѣ слѣдуетъ читать не «забылъ», а «забывъ»; во 2-й не «невольникъ», а «невольный». Первоначально 1-я строка читалась такъ:

«Забылъ веселый чижъ свободу»

Потомъ два среднія слова были зачеркнуты и надписано: «и рощи (передѣлано въ «рощу») и». Въ послѣдней строкѣ сначала вм. «пѣснью» стояло «пѣньемъ»; затѣмъ вмѣсто «пѣньемъ», поставлены начальныя буквы какого то слова «спѣ» и зачеркнуты, и наконецъ надписано: «пѣснью».

Такимъ образомъ стихотвореніе въ окончательномъ видѣ читается такъ:

Забывъ и рощу и свободу
Невольный чижикъ надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду
И пѣснью тѣшится живой —

П. Сребницкій.

По поводу стихотворенія Пушкина: «Изъ А. Шенье» (1825).

До насъ дошла трагедія Еврипида «Неистовый Геракл», фабула которой сводится къ тому, что Геракл, въ припадкѣ безумія, убиваетъ свою жену Мегару и своихъ дѣтей; дошла также трагедія Софокла «Трахинянки». Вотъ ея сюжетъ. Деянира, жена Геракла, послала своему мужу праздничный нарядъ, смазавъ его ядовитою кровью кентавра Несса, которую она считала любовнымъ средствомъ; ядъ, однако, причинилъ Гераклу такія страданія, что онъ самъ сжегъ себя на кострѣ. Стихотвореніе Шенье, переведенное Пушкинымъ, по содержанію, очевидно, совпадаетъ съ трагедіей Софокла, на что справедливо указали, напр., С. И. Любомудровъ[1]) и П. Н. Черняевъ[2]). Ссылка же на «Геракла» Еврипида у П. О. Морозова[3]) — плодъ недоразумѣнія.

Изъ латинскихъ поэтовъ сказаніе о смерти Геракла обработали Овидій (въ «Метаморфозахъ» и въ 9-ой «Героидѣ») и Сенека (въ трагедіи «Hercules Oetaeus»). У нихъ-то Шенье, повидимому, и заимствовалъ нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у Софокла. Такъ, у обоихъ латинскихъ поэтовъ говорится, что Геракл и на кострѣ не захотѣлъ разстаться ни со шкурой убитаго имъ Немейскаго льва[4]), ни со своей палицей[5]). У Сенеки французскій поэтъ могъ прочесть, что Геракл, говоря словами Пушкина, «въ небо взоръ возводитъ»[6]).

1) С. Любомудровъ, Античные мотивы въ поэзіи Пушкина, изд. 2-е, С.-Пб. 1901, стр. 26.

2) Пав. Черняевъ, А. С. Пушкинъ какъ любитель античнаго міра, Казань, 1899, стр. 31.

3) Напр., въ изд. т-ва «Просвѣщеніе» (1903), т. II, стр. 378; Акад. изд., т. IV, прим. стр. 184.

4) Ov. Met. IX 235: Nemeaeo vellere. Sen. Herc. Oet. 1665: rigida secum spolia Nemeaei mali arsura poscit.

5) Ov. l. c. 236: imposita clavae cervice recumbis. Sen. l. c. 1661: hic nodus, nulla quem capiet manus, mecum per ignem flagret.

6) Sen. l. c. 1693: caelum intuens.

Переводъ Пушкина мѣстами довольно сильно разнится отъ оригинала. Эти варіанты — отчасти, по крайней мѣрѣ, — кажутся навѣянными чтеніемъ любимца его Овидія. Вступленіе («покровъ, упитанный язвительною кровью, кентавра мстящій даръ») напоминаетъ стихи Овидія:

> praetulit *imbutam Nesseo sanguine vestem*
> mittere,
>
> (Met. IX 153 sq.)

а также стихъ 132:

> calido velamina tincta cruore.

У Шенье даръ глухо названъ «un présent trop jaloux». Затѣмъ, онъ совершенно умалчиваетъ о «воѣ» героя-страдальца, о чемъ Пушкинъ могъ прочесть опять-таки у Овидія:

> ст. 165. implevitque suis nemorosam vocibus Oeten.
> » 207. saepe illum gemitus edentem, saepe frementem.

Наконецъ, ст. 6-ой у Пушкина

> Стопами тяжкими вершину Этны роетъ

напоминаетъ слова Овидія (ст. 204 сл.) per altam . . . Oeten . . . graditur (и дальнѣйшее сравненіе Геракла съ быкомъ).

Итакъ, довольно правдоподобно, что Пушкинъ, перелагая понравившійся ему отрывокъ Шенье, заглядывалъ въ давно знакомыя ему Овидіевы «Превращенія» (въ оригиналѣ или во французскомъ переводѣ).

Мученія Геракла начались послѣ того, какъ онъ надѣлъ роковой плащъ[1]), присланный ему женой, — «кентавра мстящій даръ». Такъ его называетъ Пушкинъ[2]), но не Шенье. Послѣдній гово-

1) Этотъ *греческій* плащъ никоимъ образомъ не можетъ быть названъ «рубашкой» (Поливановъ, Сочиненія Пушкина для семьи и школы, изд. 3-е, Москва. 1905, т. I, стр. 214) или «туникой» (Морозовъ, Акад. изд.). У Софокла онъ носитъ цѣлый рядъ названій: χιτών (580, 612, 769), πέπλος (602, 758, 774), πέπλωμα (613), στολή (764), ὑφαντὸν ἀμφίβλητρον (1052).

2) Впрочемъ, и Леконтъ-де-Лиль, основатель «парнасской школы» во французской лирикѣ, озаглавилъ свое стихотвореніе на ту же тему «Плащъ Несса» (Leconte-de-Lisle, Poèmes antiques стр. 123 сл.: «La Robe du Centaure»).

рить: «невѣрный мужъ неосторожной жены, жертва убитаго имъ кентавра, получилъ подарокъ...». Откуда же у Пушкина явилось мнѣніе, что роковой *плащъ* былъ подаренъ Нессомъ Деянирѣ? Можетъ быть, и здѣсь онъ вспомнилъ стихи Овидія:

calido *velamina* tincta cruore
dat tunus raptae, velut irritamen amoris.

Однако, платье, которымъ Несъ подхватилъ (excipit) струившуюся изъ его раны кровь, скорѣе всего, платье Деяниры. Вѣдь кентавры не носятъ плащей. У Софокла Несъ такъ наставляетъ Деяниру:

Возьми въ свой плащъ [1]) моей ты крови комъ,
Что́ запеклась вокругъ стрѣлы въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ ядъ лернейской гидры въ черный цвѣтъ
Ее окрасилъ. Талисманъ могучій
Въ немъ обрѣтешь ты для любви Геракла [2]).

Итакъ, пересказывая древній миѳъ, нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ Поливановъ и Морозовъ, что Деянира получила отъ Несса *плащъ*, какъ талисманъ. Не плащъ, а кровь свою подарилъ онъ ей. Кровью этой она — много лѣтъ спустя — смазала новое, праздничное платье, которое затѣмъ погубило Геракла. Эта версія Софокла (и Шенье) была бы сохранена, если бы Пушкинъ выразился такъ: «Покровъ, упитанный язвительною кровью, *мстящимъ даромъ* кентавра...».

Въ связи съ миѳомъ о смерти Геракла стоятъ сюжеты четырехъ картинъ, выставленныхъ въ Петроградскихъ музеяхъ.

На одной изображено, какъ Геракъ палицей убиваетъ Еврита, царя г. Эхалія, отца Іолы [3]). Это — картина итальянской школы XVI вѣка. До 1910 г. она хранилась въ Канцеляріи Эрмитажа, а нынѣ виситъ въ большомъ Итальянскомъ залѣ и носитъ № 1925. Авторство ея (а также одинаковыхъ по размѣрамъ и сходныхъ по содержанію №№ 117 и 118) спорно [1]).

1) Въ рукописи «χερσίν» (ст. 578), т. е. «руками». Проф. О. Ф. Зѣлинскій предлагаетъ конъектуру φάρεσιν, которую и внесъ въ свой переводъ. Вѣдь прикосновеніе яда могло погубить самоё Деяниру. У Сенеки (ст. 521) Несъ вручаетъ ей свою кровь въ собственномъ копытѣ, у Аполлодора (Soph. Trach., Hypothesis) — въ раковинѣ!

2) Ѳ. Зѣлинскій, Драмы Софокла, т. III, М. 1914, стр. 91.

3) Любовь Геракла къ ней и заставила Деяниру прибѣгнуть къ помощи талисмана.

Остальныя три картины написаны русскими художниками и хранятся въ Музеѣ Академіи Художествъ. Описаны онѣ въ новомъ каталогѣ С. К. Исакова (Пгр. 1915). Первая — кисти Е. М. Корнѣева (род. 1780, ум. послѣ 1839 г.) — называется «Похищеніе Деяниры центавромъ Нессомъ» [2]). Сюжетъ второй картины [3]), принадлежащей кисти И. Е. Крюкова (1823—1857), переноситъ насъ на о. Евбею, гдѣ Геракъ у Кенейскаго мыса [4]) совершалъ жертвоприношеніе, когда его глашатай Лихасъ [5]) принесъ ему роковой плащъ, подарокъ Деяниры. Въ порывѣ гнѣва Геракъ хватаетъ ни въ чемъ неповиннаго Лихаса за ногу и бросаетъ его въ море (Soph. Trach. 772—784. Ov. Met. IX. 211—229). Наконецъ, третья картина [6]) изображаетъ Геракла на кострѣ. Написана она И. Я. Акимовымъ (1754—1814).

Г. Гельдъ.

PS. Нѣкоторую разсѣянность при комментированіи нашего стихотворенія обнаружилъ Вал. Брюсовъ: въ роли жены Геракла у него фигурируетъ — Алкмена (Поэт. собр. соч. А. С. Пушкина, т. I, ч. I [М. 1920], стр. 140)! Выходитъ, что Геракъ, подобно Одину, женился на родной матери...

1) Курьезно описана эта картина въ оффиціальномъ каталогѣ картинъ Эрмитажа (часть I, изд. 1912 г., стр. 168 сл.): царь Эврит (Eurytos) превращенъ въ «короля Эрисося», г. Эхалія — въ «Охалію», палица Геракла — въ лукъ! Но Эврисосй тутъ названъ по ошибкѣ: Геракъ его не убивалъ, наоборотъ, онъ по его приказу совершилъ извѣстные 12 подвиговъ. А палица отлично видна на картинѣ...

2) Исаковъ, стр. 114, № 63.

3) Тамъ же, стр. 122, № 150.

4) У Поливанова (см. выше) ошибочно сказано «въ Панеѣ».

5) Въ каталогѣ Исакова по ошибкѣ напечатано «Ликастъ».

6) Исаковъ, стр. 4, № 25.

О происхожденіи одного стихотворенія Пушкина.

Въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ» Францъ поетъ двѣ пѣсни: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный» и «Воротился ночью мельникъ». Въ примѣчаніяхъ Анненкова указано, что «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный» взято изъ бумагъ Пушкина и помѣщено въ «Сценахъ» редакціей «Современника». «Оно, говоритъ Анненковъ, по всей вѣроятности, есть переводъ какого-нибудь оригинальнаго провансальскаго романса». О второй пѣснѣ у Анненкова ничего не сказано, и слѣдуетъ, поэтому, предположить, что пѣсня вставлена въ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» самимъ Пушкинымъ. Такое предположеніе лишаетъ эти двѣ пѣсни какой-либо взаимной связи въ творчествѣ Пушкина, — одна могла быть написана раньше, другая позже; одна могла быть взята изъ одного источника, другая — совсѣмъ изъ другого. Напечатаны были «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» впервые въ «Современникѣ» 1837 г., по смерти Пушкина. Анненковъ отмѣчаетъ неправильную дату, стоящую подъ стихотвореніемъ: Спб. 1837 г. 28 апрѣля, тогда какъ Пушкинъ умеръ за три мѣсяца до того. Анненковъ склоненъ объяснить это опечаткой и въ такомъ предположеніи относитъ «Сцены» къ 1827 г. Новѣйшіе библіографы Пушкина, въ томъ числѣ и С. А. Венгеровъ, относятъ написаніе «Сценъ» къ значительно позднѣйшему времени. Во всякомъ случаѣ можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что «Мельникъ» написанъ раньше, чѣмъ написаны «Сцены». Отрывочный, не связанный органически ни съ однимъ изъ остальныхъ произведеній Пушкина характеръ пѣсенки про мельника даетъ возможность предположить, что Пушкинъ когда-нибудь случайно натолкнулся на эту

тему, записалъ ее и потомъ забросилъ, использовавъ ее позже для «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ».

Въ моемъ распоряженіи находится книжка — «Сборникъ шотландскихъ пѣсенъ отъ XVI до XIX столѣтія»... въ которой содержится первоисточникъ второй пѣсни Франца. Сборникъ этотъ изданъ въ Лондонѣ въ 1854 г. вторымъ изданіемъ. Когда вышло первое изданіе, я свѣдѣній не имѣю. Называется въ моемъ сборникѣ пѣсня по первой строчкѣ «Our Gudeman Came Hame» («Нашъ муженекъ вернулся домой»). Въ заголовкѣ помѣчено, что происхожденіе этой пѣсни анонимное и что взята она изъ собранія Герда 1776 г. Въ примѣчаніи сказано слѣдующее: «Эта прекрасная старинная пѣсня считалась англійскою, но по всему ея характеру она явно шотландская. Джонсонъ, издатель «Musical Museum», возсталовилъ утраченную мелодію къ ней съ голоса одного стараго брадобрѣя въ Эдинбургѣ и напечаталъ ее впервые въ своемъ собраніи».

Упоминаемое здѣсь собраніе пѣсенъ Johnson'a, имѣющее главнымъ образомъ музыкальное значеніе, выходило въ Эдинбургѣ съ 1787 по 1803 г. Во многихъ случаяхъ слова для старинныхъ мелодій сочинены были, по просьбѣ Джонсона, «шотландскимъ бардомъ» Робертомъ Бернсомъ, извѣстнымъ Русской публикѣ по переводамъ М. Михайлова, О. Чюминой, П. Вейнберга и др. [1]).

Пѣсня «Our Gudeman Came Hame» и есть тотъ первоисточникъ, изъ котораго Пушкинъ заимствовалъ «Воротился ночью мельникъ». У Пушкина взята лишь вторая строфа; всѣхъ же строфъ шесть. Вотъ переводъ этой пѣсни.

1.

Вернулся поздно муженекъ
Вернулся въ свой домъ.
Не мѣсто быть бы лошади —
Глядь — конь подъ сѣдломъ.

«Откуда эта лошадь
Безъ спроса здѣсь стоитъ?
Откуда эта лошадь?»
Женѣ онъ говоритъ.
— Что, лошадь?

1) Сборникъ стихотвореній Р. Бернса, изданъ П. В. Ключнымъ въ Москвѣ, въ 1897 г.

«Да, лошадь!»
— Ахъ ты, бездѣльникъ старый!
Ослѣпъ, ты дуралей!
Да это вѣдь корова
Отъ матушки моей!
«Корова?»
— Да, корова!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
А сѣделъ на коровѣ
Ни разу не встрѣчалъ».

2.

Вернулся поздно муженекъ
Приходитъ — глядь —
Стоитъ ботфортовъ пара,
Гдѣ имъ не слѣдъ стоять.
«Эй, женка, что за штуки,
Женѣ онъ говоритъ:
Что за ботфортовъ пара
Безъ спроса тутъ стоитъ?»
— Ботфорты?
«Да ботфорты!»
— Ахъ, дуралей безпутный
Слѣпымъ ты что-ли сталъ!
Вѣдь это вездеръ пара
Что мнѣ бочаръ прислалъ!
«Что, ведра?»
— Да, ведра!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
На ведрахъ шнуръ серебряныхъ
Ни разу не встрѣчалъ».

3.

Вернулся поздно муженекъ
Домой къ женѣ своей,
Глядитъ — на стѣнкѣ сабелька,
Гдѣ быть не мѣсто ей.
«Эй, женушка, что это?
Что вижу я?
Зачѣмъ виситъ здѣсь сабля
Безъ спроса у меня?»
— Что, сабля?
«Да, сабля!»
— Ахъ, дуралей безпутный
Гдѣ сабля на стѣнѣ?
Вѣдь это-же мутовка,
Что мать прислала мнѣ!
«Мутовка?»
— Да, мутовка!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
Съ серебряною ручкой
Мутовки не встрѣчалъ».

4.

Вернулся поздно муженекъ,
Давно померкнулъ свѣтъ —
Глядитъ — напудренный парикъ
Гдѣ быть ему не слѣдъ.
«Эй, женушка, что это?
Что вижу я?
Откуда взялся здѣсь парикъ
Безъ спроса у меня?»
— Что, парикъ?
«Да, парикъ!»
— Ахъ дуралей безпутный,

Охота вздоръ болтать!
Да это-же насѣдка,
Что мнѣ прислала мать!
«Насѣдка?»
— Да, насѣдка!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
А курицы напудренной
Ни разу не встрѣчалъ!»

5.

Вернулся поздно муженекъ,
Давно померкнулъ свѣтъ —
Глядитъ — кафтанъ на стѣнкѣ,
Гдѣ быть ему не слѣдъ.
«Эй, женка, что за штуки, —
Женѣ онъ говоритъ, —
Зачѣмъ кафтанъ на стѣнкѣ
Безъ спроса тутъ виситъ?»
— Что, кафтанъ?
«Да, кафтанъ!»
«Ахъ, дуралей безпутный!
Охота вздоръ болтать!
Вѣдь это-же пеленки,
Что мнѣ прислала мать!
«Пеленки?»
— Да, пеленки!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
А на пеленкахъ пуговицъ
Ни разу не встрѣчалъ!»

6.

Проходитъ въ спальню муженекъ,
Раздулъ въ каминѣ свѣтъ
И видитъ — рослый паренекъ,
Гдѣ быть ему не слѣдъ.
«Эй, женка, что за штуки,
Женѣ онъ говоритъ, —
Откуда этотъ парень
Безъ спроса тутъ лежитъ?»
— Что, парень?
«Да, парень!»
— Ахъ, дуралей безпутный!
Протри глаза скорѣй! —
Вѣдь это-же батрачка
Отъ матушки моей!
«Батрачка?»
— Да, батрачка!
«Много я изъѣздилъ,
Немало я видалъ —
Батрачки съ бородою
Ни разу не встрѣчалъ!»[1]).

Тотъ фактъ, что Пушкинское «Воротился ночью мельникъ» взято изъ шотландской народной поэзіи, новизны не представляетъ. На эту пѣсню, какъ на источникъ Пушкинскаго «Мельника», между прочимъ, указано въ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ «Отече-

1) Эта пѣсня, имѣетъ съ нотами, помѣщена во II т. «The Songs of Scotland», edited by Myles B. Foster, Boosey and Co. London.

ственныхъ Запискахъ» за 1859 г., въ № 5, и въ «Русскомъ Словѣ» за 1860 г., въ № 3.

Въ первой изъ этихъ замѣтокъ, анонимной, сказано:

«Между новыми книгами мы встрѣтили второе изданіе «Исторіи народныхъ шотландскихъ пѣсенъ» Фидлера. Это скорѣе историческій сборникъ пѣсенъ», чѣмъ дѣйствительно исторія ихъ. Такъ какъ это не новое сочиненіе, то его можно бы оставить безъ вниманія, хотя изъ него можно познакомиться со многими изящными произведеніями шотландской литературы. Но мы обратимъ вниманіе читателя на пѣсню: «Нашъ старикъ вернулся домой вечеромъ» (Our Guidman Came Hame at e'en) (стр. 32). Въ ней шесть куплетовъ и второй изъ нихъ нашелъ себѣ выраженіе въ стихахъ Пушкина. Вотъ онъ въ настоящемъ видѣ:

Нашъ старикъ вернулся вечеромъ домой,
Домой, да, да!
Тамъ нашелъ онъ пару мужскихъ сапоговъ,
Которые прежде тамъ не были.
«Что-же это, жена,
Что я здѣсь вижу?
Скажи, какъ попали сюда сапоги?
Я ихъ не приносилъ».
«Сапоги», сказала она —
«Сапоги», сказалъ онъ: «да!» —
«Ты старый, слѣпой дурень,
Совсѣмъ слѣпъ, ха, ха!
Это два ведра,
Ихъ прислалъ бочаръ».
«Ведра?» сказалъ онъ.
«Ведра», сказала она: «да!» —
Далеко я ѣзжалъ,
И много уже видѣлъ,
Но серебряныхъ шнуръ на ведрахъ
Не видалъ никогда».

Можетъ быть, кто-нибудь указалъ уже на этотъ источникъ пѣсни Франца, но намъ подобное указаніе не попадалось, и потому мы приводимъ этотъ куплетъ»[1]).

Въ этой замѣткѣ ни слова не говорится о томъ, гдѣ и на какомъ языкѣ издана книга Фидлера. Благодаря любезному указанію Н. Н. Бахтина, я узналъ, что книга эта издана въ Германіи, и полное ея названіе такое: F. Fidler. Geschichte der Volkstümlichen Schottischen Liederdichtung». Первое изданіе книги вышло въ 1846 г., а второе — въ 1859.

Эта книга могла быть извѣстна М. Л. Михайлову, который въ своемъ предисловіи къ «Драматическимъ сценамъ Барри Корнволя» («Русское Слово» 1860 г., № 3), дѣлаетъ, на основаніи нѣмецкихъ источниковъ, второе указаніе на происхожденіе пѣсни про мельника. Въ этомъ предисловіи Михайловъ между прочимъ говоритъ:

«Въ превосходныхъ матеріалахъ Анненкова указаны источники многихъ замысловъ Пушкина; но эти указанія еще далеко не исчерпываютъ всѣхъ любопытныхъ сторонъ, которыя представляютъ изученіе Пушкина вмѣстѣ съ писателями, которыхъ онъ любилъ и читалъ.

«Для такого труда большимъ пособіемъ былъ бы каталогъ Пушкинской библіотеки съ указаніемъ хотя бы главнѣйшихъ помѣтокъ его на поляхъ книгъ. Не знаю, сохранилась ли въ цѣлости эта библіотека, и возможно ли ждать отъ кого-нибудь труда ея внимательнаго пересмотра[2]). Онъ можетъ повести ко многимъ любопытнымъ сличеніямъ и соображеніямъ и дать не одну черту для полнѣйшей характеристики поэтической личности Пушкина. Теперь только случайно можно встрѣтиться съ такого рода источниками для пополненія и поясненія нѣкоторыхъ его произведеній.

«Вотъ, напримѣръ, одна подобная случайная встрѣча.

---

1) «Отеч. Зап.» 1859 г., № 5, стр. 70 (Ученыя новости и разныя извѣстія).

2) Теперь такой каталогъ изданъ трудами Б. Л. Модзалевскаго въ IX—X в. сборника «Пушкинъ и его современники». *Ред.*

«Въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», помѣщена небольшая пѣсня, начинающаяся стихомъ: «Воротился ночью мельникъ». Это не что иное, какъ передѣлка одного куплета изъ шуточной шотландской народной пѣсни, которая попалась мнѣ въ нѣмецкомъ переводѣ О. Л. Б. Вольфа. Подлинника я не знаю.

Затѣмъ М. Л. Михайловъ приводитъ первый куплетъ шотландской пѣсни въ нѣмецкомъ переводѣ и русскій прозаическій переводъ этого куплета. Далѣе слѣдуетъ куплетъ, передѣланный Пушкинымъ:

«...То есть: «Хозяинъ нашъ воротился поздно домой и видитъ пару сапогъ, гдѣ имъ не слѣдовало быть». «Что это, жена? Что я вижу? Какъ попали сюда сапоги безъ моего позволенія?» — «Сапоги? говоритъ она. — Да, сапоги, говоритъ онъ.—«Стыдно, старый дуракъ. Вотъ еще что увидалъ. Вѣдь, это ведра: бочаръ мнѣ ихъ прислалъ». — Ведра? говоритъ онъ. — Да, ведра, говоритъ она. — Много я по свѣту ѣздилъ, многое видалъ, но серебряныхъ шнуръ на ведрахъ не видывалъ до сихъ поръ».

«Пушкинъ сохранилъ не только тонъ, но и самую манеру пѣсни. Припомнимъ его передѣлку, которую можно назвать почти переводомъ».

Далѣе Михайловъ цитируетъ Пушкина, затѣмъ излагаетъ все содержаніе шотландской пѣсни и наконецъ говоритъ:

«Этимъ пѣсня кончается. Она утомительна своей длинготой и повтореніями, въ которыхъ мало новаго. То, что взялъ изъ нея Пушкинъ, едва ли не самое остроумное въ ней и не самое характерное»[1]).

Подлинникъ первоначальной, повидимому, записи пѣсни про мельника имѣется въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина, въ Парижѣ. Въ описаніи рукописей музея, составленномъ Б. Л. Модзалевскимъ, листокъ съ этой записью помѣченъ № 21[2]). Даты на листкѣ ни-

1) «Русское Слово» 1860 г., № 3, стр. 211.

2) См. въ книгѣ: Неизданный Пушкинъ. Собраніе А. Ѳ. Онѣгина. Труды Пушкинскаго Дома при Россійской Академіи Наукъ. Пб., изд. «Атеней», 1922, стр. 121—122. *Ред.*

какой нѣтъ; судя по почерку, г. Модзалевскій относитъ запись къ 30-мъ годамъ. О томъ, что эта запись первоначальная, говоритъ то обстоятельство, что тамъ только одна строчка имѣетъ тотъ самый видъ, какъ и въ стихотвореніи.

Есть и позднѣйшія указанія на то, что Пушкинъ заимствовалъ сюжетъ для своего «Мельника» изъ шотландской народной пѣсни, — указанія, кстати сказать, совершенно игнорирующія существованія двухъ упомянутыхъ замѣтокъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Словѣ». Указанія эти связаны съ Байрономъ. Въ примѣчаніи къ 1-й пѣснѣ «Донъ-Жуана»[1]) сказано про одинъ эпизодъ, что онъ, повидимому, навѣянъ шотландскою балладой, — и приводится часть второго куплета пѣсни, какъ разъ того, который вдохновилъ Пушкина. С. А. Венгеровъ въ примѣчаніи къ своему изданію Пушкина говоритъ, что, повидимому, изъ этого примѣчанія къ Байрону Пушкинъ и заимствовалъ «Мельника».

Можно ли допустить такое предположеніе — мы сейчасъ увидимъ.

Анненковъ, какъ мы видѣли, относитъ написаніе «Сценъ» къ 1827 г. С. А. Венгеровъ предполагаетъ болѣе позднюю дату, а именно 1835 г. Между тѣмъ, первое изданіе сочиненій Байрона подъ редакціей Вальтера Скотта и другихъ девяти лицъ, въ которомъ имѣется указанное выше примѣчаніе, вышло тоже въ 1835 г. Стало быть, не только нельзя предположить, чтобы указаніе Анненкова согласовалось съ возможностью заимствованія Пушкинымъ сюжета пѣсни изъ примѣчанія къ этому изданію, но и датированіе «Сценъ» Венгеровымъ дѣлаетъ такое заимствованіе очень мало вѣроятнымъ. Даже если допустить болѣе позднее написаніе «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ», — хотя бы вторую половину 1836 г., то слѣдуетъ сдѣлать едва ли основательное предположеніе, что на протяженіи какихъ-нибудь полутора лѣтъ совпали и выходъ книги въ Парижѣ (въ библіотекѣ Пушкина

1) Стр. 606 Лондонскаго изданія 1859 г.

имѣется именно Парижское изданіе), и полученіе этой книги Пушкинымъ, и возникновеніе у Пушкина вниманія къ примѣчанію, и обработка пѣсенки, и наконецъ написаніе «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ».

Возможность такого совмѣщенія кажется намъ невѣроятной.

Еще одно обстоятельство не менѣе категорически опорочиваетъ ссылку на примѣчаніе къ «Допъ-Жуану», какъ на источникъ пѣсни про мельника. Въ примѣчаніи приведена не вся строфа, а лишь часть ея — до того мѣста, гдѣ жена говоритъ, что это ведра, присланныя бондаремъ. Дальнѣйшихъ вопроса и отвѣта, а также характернаго окончанія куплета: «Много я поѣздилъ» и проч. въ примѣчаніи нѣтъ вовсе; нѣтъ, стало быть, и упоминанія о шпорахъ. Предположить самостоятельное возникновеніе образа шпоръ на ведрахъ въ умѣ Пушкина и въ умѣ автора шотландской пѣсни — врядъ ли возможно.

Въ Пушкинской библіотекѣ, насколько мнѣ удалось опредѣлить, нѣтъ, кромѣ Байрона, книги, изъ которой поэтъ могъ бы почерпнуть сюжетъ «Мельника». Возможно, что пѣсня про сапоги имѣется въ № 943 (по каталогу г. Модзалевскаго) — въ сборникѣ шотландскихъ балладъ, сказокъ и пѣсенъ Джона Гилькриста, — но даже если и такъ, заимствованіе оттуда Пушкинымъ невѣроятно, такъ какъ эта книга осталась неразрѣзанною. Другимъ однороднымъ сборникомъ Вальтера Скотта, помѣщеннымъ въ каталогѣ подъ № 1367, — Пушкинъ, повидимому, пользовался, но тамъ интересующей насъ пѣсни нѣтъ.

Большой знатокъ и цѣнитель шотландской народной пѣсни, Вальтеръ Скоттъ очень широко пользовался ею въ своихъ произведеніяхъ. Какъ извѣстно, романы Вальтера Скотта пестрятъ цитатами изъ этихъ пѣсенъ, помѣщенными большею частью въ формѣ эпиграфовъ къ отдѣльнымъ главамъ. Не имѣется ли въ числѣ этихъ цитатъ и пѣсни про мельника и не могъ ли Пушкинъ оттуда заимствовать сюжетъ для своего стихотворенія?

Такая цитата, дѣйствительно, имѣется въ видѣ эпиграфа къ XXIII главѣ Робъ Роя. Однако цитируется лишь начало послѣдней строфы шотландской пѣсни (см. помѣщенный выше переводъ), и никакъ нельзя предположить, чтобы эта цитата вдохновила Пушкина.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что литературные источники стихотворенія Пушкина «Воротился ночью мельникъ» остаются невыясненными. Но возможно, что литературныхъ источниковъ вовсе и не было, а Пушкинъ могъ слышать пѣсню въ словесной передачѣ или даже въ вокальномъ исполненіи отъ кого-нибудь изъ тѣхъ выходцевъ изъ Шотландіи, съ которыми онъ входилъ въ соприкосновеніе. Шотландцевъ въ Россіи и во времена Пушкина, и до него было немало, а были они въ доброе старое время большими патріотами, при чемъ однимъ изъ главныхъ объектовъ ихъ патріотическихъ чувствъ была народная пѣсня, которую шотландцы и на чужой сторонѣ распѣвали съ большою охотой. Пѣсня въ Шотландіи такая же необходимая принадлежность быта, какъ пѣсня въ Италіи или по крайней мѣрѣ въ Малороссіи. Если только среди огромнаго числа лицъ, съ которыми Пушкинъ входилъ въ соприкосновеніе, былъ одинъ изъ такихъ шотландскихъ патріотовъ, то вполнѣ возможно, что онъ и познакомилъ Пушкина съ пѣснею про «мужичка».

Утверждать, что таковъ именно былъ путь, которымъ шотландская пѣсня подошла къ Пушкину, — нѣтъ, разумѣется, никакихъ конкретныхъ основаній. Мы указываемъ на него лишь какъ на одну изъ возможностей, особенно въ виду несостоятельности имѣющихся въ литературѣ о Пушкинѣ указаній на другіе пути. До сихъ поръ еще мало опредѣленъ тотъ кругъ лицъ, съ которыми Пушкинъ входилъ въ идейное общеніе. Въ числѣ ихъ несомнѣнно были и выходцы изъ Шотландіи. Для біографовъ Пушкина, которые интересуются этой стороной его жизни, необходимо имѣть въ виду, что въ Русскомъ интеллигентномъ обществѣ не принято дѣлать различіе между отдѣльными частями Соединеннаго Королевства, и какъ шотландцевъ, такъ ирландцевъ и уроженцевъ Уэльса одинаково называютъ англичанами. Такъ, конечно, было и во времена Пушкина. Между тѣмъ, изъ британцевъ,

жившихъ въ Россіи, добрая половина была вовсе не англичанами, а шотландцами. Одна такая ошибка — смѣшеніе шотландца съ англичаниномъ — въ біографіи Пушкина уже имѣется: это упоминаніе о слѣпомъ «англичанинѣ» д-рѣ Гутчисонѣ, у котораго Пушкинъ, будучи въ Одессѣ, учился «ивеизму». Гутчисонъ, какъ показываетъ его фамилія, былъ чистокровнымъ шотландцемъ. Кромѣ Hutchison'a Пушкинъ зналъ художника Dawe, которому посвящено извѣстное стихотвореніе:

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?—

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что знакомствомъ съ этими двумя лицами не исчерпывалось личное общеніе Пушкина съ британцами.

1916 г.

В. Каррикъ.

По поводу замѣчаній Пушкина на «Анналы» Тацита.

I.

Какое изданіе Тацита имѣлъ подъ руками Пушкинъ, когда онъ въ 1825 г. въ с. Михайловскомъ изучалъ его «Анналы» и писалъ свои замѣчанія[1]) на нихъ? На этотъ вопросъ, кажется мнѣ, можно дать такой отвѣтъ: французское изданіе Дюро-де-Ламалля, въ 6 томахъ, вышедшее въ Парижѣ въ 1817—1818 гг. и дающее, кромѣ латинскаго текста, также и французскій переводъ en regard. Экземпляръ этого изданія входитъ въ составъ Пушкинской библіотеки, описанной Б. Л. Модзалевскимъ[2]), но въ немъ разрѣзаны лишь вступительныя статьи, такъ что нужно допустить, что поэтъ въ деревнѣ пользовался другимъ экземпляромъ.

Что Пушкинъ изучалъ «Анналы» именно по изданію Дюро-де-Ламалля, явствуетъ изъ слѣдующаго:

1) Во *второй* замѣткѣ Пушкина говорится: «Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе...». Послѣдній глаголъ передаетъ слово *remisit* (Tac. Ann. I, 8). Дюро перевелъ « y souscrivit», при чемъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту (стр. 292) поясняетъ, что remisit здѣсь равносильно permisit, т. е. «позволилъ». Въ настоящее время это слово толкуется какъ разъ въ обратномъ значеніи[3]).

---

1) Сочиненія А. С. Пушкина, изд-ва «Просвѣщеніе», т. VI, стр. 416—419. Это изданіе въ дальнѣйшемъ служитъ точкой отправленія.

2) «Пушкинъ и его современники», вып. IX—X (С.-Пб. 1910), стр. 345, № 1420. — Экземпляръ этого изданія Дюро имѣется и въ библіотекѣ Петроградскаго Историко-Филологическаго Института.

3) См. комментированное изданіе Nipperdey-Andresen (Berlin, Weidemann).— Проф. В. И. Модестовъ переводитъ: «уволилъ ихъ отъ этого», т.-е. «избавилъ».

2) Въ концѣ *четвертой* замѣтки сказано: «... но увеличиваетъ... число преторовъ». Слова эти также являются отголоскомъ изданія Дюро: Пушкинъ, очевидно, воспользовался для этой замѣтки примѣчаніемъ на стр. 177 перваго тома изданія Дюро, гдѣ говорится: «il l'augmenta pourtant».

3) Въ *восьмой* замѣткѣ Пушкинъ полемизируетъ съ Тацитомъ, приписывая ему свидѣтельство, будто Юлія, развратная дочь Августа, умерла въ изгнаніи *отъ голода*. Но въ 53-ей главѣ I книги, на которую ссылается Пушкинъ, именно этого слова нѣтъ, зато оно имѣется въ переводѣ Дюро, а переводъ этотъ въ данномъ мѣстѣ не точенъ, такъ какъ лат. слово *tabes* передано черезъ *faim*, хотя tabes означаетъ не голодъ, а истощеніе, изнуреніе.

II.

Замѣчанія Пушкина на «Анналы» Тацита впервые были напечатаны лишь по смерти автора. Они сохранились въ видѣ отрывочныхъ набросковъ на отдѣльныхъ листахъ небольшого формата. Фотографическіе снимки съ нихъ были мнѣ показаны Н. К. Козминымъ, за что я приношу ему искреннюю благодарность. Читаются они безъ большого труда, такъ что приходится удивляться, почему наши изданія дають тексты, сильно разнящіеся другъ отъ друга. Колебаніе распространяется особенно на собственныя имена. Такъ, въ *первой* замѣткѣ Пушкинъ четко написалъ: «Постумы Агриппы», вмѣсто чего у насъ иногда печатаютъ «Постума Агриппы»[1]). Положимъ, единственно правильная транскрипція имени Августова внука, сына его дочери Юліи, Agrippa Postumus требуетъ какъ разъ формы родительнаго падежа «*Постума* Агриппы», но это не даетъ намъ права измѣнять Пушкинскій текстъ[2]). Въ *четвертомъ* отрывкѣ упоминается *Гатерій*

1) Напр., въ изд. т-ва «Просвѣщеніе».

2) Ради курьеза отмѣчу, что въ брошюрѣ *Д. П. Сипожникова* «Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина» (Симбирскъ. 1899) вм. «Агриппы» напечатано «Агрипины»; тамъ же вм. «Германикъ» предлагается читать «Британикъ», а въ началѣ первой замѣтки — «Тиберій былъ въ Имперіи» вм. «Тиберій былъ въ Иллиріи»!

(Tac. Ann. I, 13: Haterius). Это имя, также весьма четко написанное Пушкинымъ, въ нашихъ изданіяхъ претерпѣло рядъ метаморфозъ: Гонорій, Готорій, Готерій...

III.

Число замѣтокъ въ нашихъ изданіяхъ также колеблется. Особенно велико оно, напр., въ большомъ Ефремовско-Суворинскомъ изданіи (1903 г.). Но напечатанная тамъ замѣтка о Вибіи Серенѣ[1]) справедливо исключена въ другихъ изданіяхъ, потому что это только выдержка изъ письма поэта къ барону А. А. Дельвигу, помѣченнаго 23-мъ іюля [1825 г.], такъ что ей не мѣсто въ отдѣлѣ статей и замѣтокъ. Въ изданіи т-ва «Просвѣщеніе» третьей замѣтки, какъ будто, нѣтъ; на самомъ дѣлѣ, она слита со второй. Наконецъ, весьма сбивчивы указанія на разбираемыя главы Тацита. Рукою поэта приписаны нумера главъ лишь въ трехъ случаяхъ: въ началѣ шестой, седьмой и восьмой замѣтокъ. Остальныя цифры, кажется, прибавлены издателями (въ концѣ отдѣльныхъ фразъ, въ ломаныхъ скобкахъ). Но эти цифры[2]) не вездѣ правильны: напр., начало *четвертой* замѣтки («Тиберій отказывается» и т. д.) относится къ 12-ой главѣ, середина — къ 13-ой. Кромѣ того, необходимо — хотя бы въ заглавіи, котораго, кстати, у Пушкина вовсе нѣтъ, — упомянуть, что всѣ цитаты относятся къ *первой* книгѣ «Анналовъ». Конецъ *девятой* замѣтки («Тацитъ говоритъ о Тиберіи» и т. д.), кажется, ни въ одномъ изданіи не снабженъ ссылкой на Тацита, а, между тѣмъ, тутъ умѣстно указаніе на предшествующую (80-ую) главу той же I книги «Анналовъ»; Пушкинъ перефразируетъ слова Тацита: «id quoque morum Tiberii fuit, continuare imperia... invidia, ne plures fruerentur». Впрочемъ, въ *шестой* замѣткѣ Пушкинъ подтвердилъ свою мысль

1) Кстати, укажу на опечатку въ Академическомъ изданіи «Переписки» Пушкина: на стр. 241 перваго тома (С.-Пб. 1906) напечатано «*Либій* Серенъ» вм. «*Вибій* Серенъ».

2) Знакъ § при нихъ не умѣстенъ: текстъ Тацита распадается не на параграфы, а на главы.

двумя примѣрами, взятыми изъ другихъ книгъ «Анналовъ»: первый (Мессалина) взятъ имъ изъ XI книги (гл. 37—38), второй (жена Сенеки) — изъ XV книги (гл. 63).

IV.

Начало *девятой* замѣтки трактуетъ объ отношеніи Наполеона къ Тациту. Подчеркнутая самимъ Пушкинымъ характеристика Тацита «бичъ тирановъ» почерпнута имъ, можетъ быть, изъ слѣдующаго мѣста *Лагарпа*: «Les tyrans nous semblent punis quand il les peint»[1]).

V.

Твердыми познаніями въ латинскомъ языкѣ Пушкинъ, какъ извѣстно, не обладалъ. Потому-то онъ такъ охотно прибѣгалъ къ французскимъ переводамъ римскихъ классиковъ. Не иначе, какъ грамматической ошибкой, по моему мнѣнію, можно объяснить выраженіе, встрѣчающееся въ *седьмой* замѣткѣ: «*Марсорскія* селенія». Рѣчь идетъ о селеніяхъ германскаго племени марсовъ, ср. Tac. Ann. I, 50: ad vicos Marsorum; им. пад. мн. ч. Marsi, ср. Ann. II, 25: Marsos inrumpit. Въ переводѣ Дюро правильно: aux bourgades des Marses.

П. Гайдебуровъ.

1) *J.-F. La Harpe*, Lycée ou cours de littérature (Paris. 1813), т. III, стр. 206. Цитирую по книгѣ F. Ramorino, Cornelio Tacito nella storia della coltura (изд. 2-е, Milano. 1898), стр. 70. Извѣстный трудъ Лагарпа имѣется и среди книгъ Пушкина, см. Б. Модзалевскій, указ. соч., стр. 266, № 1063.

Къ вопросу объ англійскихъ источникахъ стихотворенія Пушкина «Цыганы» («Надъ лѣнистыми брегами»...).

Стихотвореніе Пушкина «Цыганы» («Надъ лѣнистыми брегами»..., 1830 г.) имѣетъ въ подзаголовкѣ указаніе: *«съ англійскаго»*.

До сихъ поръ эта ссылка Пушкина на какой-то англійскій источникъ считалась одной изъ тѣхъ мистификацій, какими нашъ поэтъ не разъ сбивалъ съ толку своихъ читателей. Анненковъ вспоминаетъ «Цыганъ» по поводу «Скупого рыцаря», взятаго будто бы «изъ Ченстоновой траги-комедіи «The caveteous Knight». Изобличая обманъ (ни самъ Ченстонъ, ни траги-комедія съ такимъ названіемъ не существовали), Анненковъ приводитъ и другіе примѣры подобныхъ мистификацій Пушкина: своего «Рославлева» онъ озаглавилъ: «отрывокъ изъ записокъ дамы» и прибавилъ: «съ французскаго»; извѣстному стихотворенію: «изъ VI Пиндемонте» сперва придалъ заглавіе: «изъ Альфреда Мюссе», хотя ни съ тѣмъ, ни съ другимъ авторомъ оно не имѣетъ ничего общаго. Къ числу этихъ произведеній Анненковъ отнесъ и «Цыганъ» съ ихъ «произвольнымъ» указаніемъ: «съ англійскаго». Объясненіе свое эта Пушкинская «манера произвольныхъ указаній» получала «въ суевѣрной робости» поэта, «въ боязни примѣненій и неосновательныхъ толковъ»[1]).

Тѣмъ не менѣе можно указать двѣ англійскихъ пьесы, которыя не безъ основаній могутъ быть сопоставляемы съ пушкинской. Это — «Цыганы» Вордсворта (Gipsies. 1807 г.) и «Цыганскій шатеръ» Боульса («Gipsy's tent, Bowles). Имя послѣдняго,

1) П. В. Анненковъ, Матеріялы къ біографіи А. С. Пушкина. изд. 1855 г., стр. 286—7.

замѣтимъ, ни разу еще не ставилось въ связь съ именемъ Пушкина, кромѣ какъ за одно съ другими тремя поэтами извѣстнаго сборника: «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», Paris, 1829 [1]).

Сравнимъ:

«ЦЫГАНЫ».

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

1) На знакомство Пушкина съ этимъ сборникомъ указываетъ издатель «Современника» въ примѣчаніи къ статьѣ А. О. Ишимовой: «Драматическіе очерки Бріана Уоллера Проктора (Brian Waller Proctor)». 1837 г. № 8. Извлекаемъ изъ вступительнаго къ сочиненіямъ Боульса критико-біографическаго очерка краткія свѣдѣнія о немъ: The Rev. William Lisle Bowles, по происхожденію изъ духовнаго званія, учился въ Винчестерѣ и Оксфордѣ, но окончанія принялъ посвященіе; съ 1792 г.—викарій въ графствѣ Wilt: въ 1803 г. получилъ пребенду въ каѳедральномъ соборѣ въ Salisbury, а вскорѣ и весь приходъ; «совмѣщая несовмѣстимое» былъ одновременно судьею того же графства, и на этомъ посту также снискалъ всеобщее уваженіе. Первое печатное выступленіе Боульса — «Сонеты», 1789 г. Затѣмъ послѣдовали «Стихи на «Описаніе тюремъ» Говарда (Verses on Howard's Description of Prisons) и «Могила Говарда» (Grave of Howard). Въ 1801 г. послѣ многихъ мелкихъ стихотвореній появились «Скорби Швейцаріи» (Sorrows of Switzerland), въ 1805 г. — «Духъ открытій» (The Spirit of Discovery), быть можетъ, лучшее изъ его произведеній. И по мотивамъ своей поэзіи, и по личнымъ отношеніямъ Боульсъ близокъ къ «лэкистамъ»: онъ — другъ природы и сельскаго уединенія, какъ Вордсвортъ воспѣваетъ свою усадьбу — Bremhill; онъ первый привѣтствовалъ геній Кольриджа, что связало ихъ узами тѣсной дружбы. Поэтъ Боульсъ вполнѣ второстепенный. — Въ 1807 г. вышло въ свѣтъ десятитомное собраніе сочиненій Попа подъ редакціей Боульса. Здѣсь Боульсъ и его друзья изъ «озерной школы», опираясь на провозглашенные ими «неизмѣнные принципы» (invariable principles) прекраснаго, объявляли Попа лишеннымъ поэтическаго дарованія. Въ защиту Попа возстали Кемпбель и Байронъ, возгорѣлся извѣстный споръ объ этихъ пресловутыхъ «неизмѣнныхъ принципахъ». Позднѣе Пушкинъ весьма заинтересовался этимъ споромъ. 24 марта 1825 г. онъ писалъ изъ Михайловскаго А. А. Бестужеву: «Рылѣеву не пишу... Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Вутон въ своемъ спорѣ завязлись; у меня есть на то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь перешлю? переписывать скучно». Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Пушкина этого «опроверженія» не сохранилось. Оно могло бы явиться цѣннымъ матеріаломъ при выясненіи теоретическихъ взглядовъ Пушкина на литературу.

Здравствуй! щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.
Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не уйдетъ ужъ вашъ поэтъ.
Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

GIPSIES.

Yet are they here the same unbroken knot
Of human beings, in the self-same spot!
Men, women, children, yea, the frame
Of the whole spectacle the same.
Only their fire seems bolder, yielding light,
Now deep and red, the colouring of night;
That on their gipsy-faces falls,
Their beds of strow and blanket-walls.
Twelve hours, twelve bounteous hours are gone, while I
Have been a traveller under open sky,
Much witnessing of change and cheer,
Yet as I left I find them here!
The weary sun betook himself to rest
Then issued vesper from the fulgent west
Outshining like a visible god
The glorious path, in which he trod.
And now, ascending, after one dark hour
And one night's diminution of her power,

Behold the mighty moon! this way
She looks as if at them — but they
Regard not her: — oh better wrong and strife,
(By nature transient) than such torpid life;
Life which the very stars reprove
As on their silent tasks they move!
Yet witness all that stirs in heaven or earth!
In scorn I speak not; they are what their birth
And breeding suffer them to be:
Wild outcasts of society [1]).

THE GIPSY'S TENT.

When now cold winter's snow is fled,
And birds sing blithe-again,
Look, where the gipsy's tent is spread,
In the green village-lane.

Oft by the old park-pales, beneath
The branches of the oak,
The watch-dog barks, when in slow wreath
Curls o'er the woods the smoke.

1) «*Цыганы*»: «Все здѣсь они, все тотъ же неразрывный кругъ человѣческихъ существъ на томъ же самомъ мѣстѣ! Мужчины, женщины, дѣти, да, тотъ же станъ, тотъ же видъ. Только костеръ ихъ кажется болѣе яркимъ, разливая по тьмѣ ночной свѣтъ глубокій и красный, освѣщая ихъ цыганскія лица, солому постелей и сгѣны шатровъ. Двѣнадцать часовъ, двѣнадцать благостныхъ часовъ и блужданъ и кровомъ мнѣ служило открытое небо, этотъ символъ изящества и духа; они же все здѣсь, какъ остались! Усталое солнце склонилось на отдыхъ, затѣмъ съ пылающаго запада поднялся месяцъ и совершилъ сверкая свой славный путь, подобно явившемуся богу; и вотъ послѣ часа темноты встаетъ, хотя и убывшая на величину одной ночи, но могучая луна! Теперь она точно смотритъ на нихъ — но они не глядятъ на нее: о, лучше ошибки и борьба (отъ природы преходящія), чѣмъ такая косная жизнь! И все же премудро все, что движется на небѣ и землѣ! Я не хочу оскорблять: они лишь то, чѣмъ сдѣлали ихъ рожденіе и условія жизни — дикіе отбросы общества.

No home receives the wandering race,
The panier'd ass is nigh,
Which patient bears, from place to place,
The infant progeny.

Lo! houseless o'er the world they stray,
But I at home will dwell,
Where I may read my book and pray,
And hear the Sabbath — bell [1]).

Размѣръ Пушкина — хорей, четырехстопный; у обоихъ англичанъ — ямбъ, у Вордсворта — пяти- и четырехстопный, у Боульса — четырех- и трехстопный.

Различіямъ внѣшнимъ соотвѣтствуютъ различія внутреннія. Какая разница въ симпатіяхъ! Эпитеты: «*счастливое* племя», «*вольный* слѣдъ» говорятъ за любовь Пушкина къ цыганамъ. У Боульса, наоборотъ, опредѣленно чувствуется непріязнь сельскаго домосѣда къ *бродягамъ* (wandering race), къ этимъ *бездомнымъ* (houseless), которыхъ никто не пуститъ къ себѣ. Выраженіе: «infant progeny» здѣсь не то «дѣти», не то «отродье». Отношеніе къ цыганамъ Вордсворта еще болѣе жесткое. Онъ такъ и кончаетъ: отверженцы семьи людской (wild outcasts of society!).

Но эта діаметральная противоположность, полярность въ отношеніи къ цыганамъ поэтовъ англійскихъ и русскаго даетъ намъ гораздо болѣе, нежели любое сходство. Несомнѣнно, будь Пушкинъ знакомъ съ этими стихотвореніями Вордсворта и Боульса, хоть съ однимъ изъ нихъ, онъ не могъ бы не стать на защиту

1) «*Цыганскій шатеръ*»: «Теперь, когда сошли холодные снѣга зимы, и птицы снова весело поютъ, взгляни туда, гдѣ раскинутъ цыганскій шатеръ на зеленой сельской просѣкѣ». — «Часто у старой ограды парка подъ вѣтвями дуба лаетъ сторожевой песъ, когда надъ лѣсомъ медленными кругами подымается дымъ». — «Никто не дастъ пріюта кочующему племени; невдалекѣ стоитъ оселъ съ корзиной на спинѣ, въ которой онъ терпѣливо переноситъ съ мѣста на мѣсто цыганское отродье». — «Да! они бездомно бродятъ по свѣту, но у меня есть мой домашній очагъ, у котораго я могу читать мою книгу, молиться и слушать субботній колоколъ».

цыганъ, ихъ вольнаго кочевничества. Вѣдь, совсѣмъ еще недавно «похвальная привычка» «чуть-чуть не увлекла» его «среди степей» «на зло» всѣмъ его «затѣямъ». Правда, на этотъ разъ «любезной» сердцу его была не цыганка, а калмычка. Но это не дѣлаетъ разницы. Повторяемъ, будь Пушкинъ знакомъ хоть съ одной изъ приведенныхъ выше пьесъ, онъ не оставилъ бы ее безъ отвѣта. И мы имѣли бы тогда образчикъ вліянія *по контрасту*.

Въ томъ же, что Пушкинъ дѣйствительно зналъ «Цыганъ» Вордсворта или «Цыганскій шатеръ» Боульса, нѣтъ ничего невозможнаго. Точная дата «Цыганъ» — Августъ 1830 г. [1]), передъ самымъ отправленіемъ въ Болдино, т. е. когда сборникъ четырехъ поэтовъ уже долженъ былъ быть въ рукахъ Пушкина. Съ другой стороны, не забудемъ, что «Цыганы» непосредственно по времени примыкаютъ, во-первыхъ, къ Сонету: «Суровый Дантъ»..., восходящему къ сонету Вордсворта и имѣющему изъ него эпиграфъ: Scorn not the sonnet, critic...; а, во-вторыхъ, къ сонету: «Поэтъ не дорожи любовію народной»..., оригиналъ котораго также находятъ у Вордсворта [2]).

И Пушкинъ, кажется намъ, дѣйствительно отвѣчаетъ здѣсь англичанамъ, воспринимая при этомъ даваемую ими форму антитезы жизни цыганъ и поэта. Анализъ показываетъ, что при всемъ своемъ внѣшнемъ несходствѣ всѣ три пьесы имѣютъ между собою нѣчто схожее. Это — противоположеніе «бродячихъ почлеговъ» цыганъ «домашней тишинѣ», т. е. осѣдлости поэта и заключительное предпочтеніе, отдаваемое послѣдней. Пусть въ одномъ случаѣ признаніе этого звучитъ элегически, въ другомъ—съ какою то радостной поспѣшностью, но выборъ сдѣланъ одинъ и тотъ же.

Для Пушкина и Боульса все это вполнѣ очевидно. Нѣсколько подробнѣе должно остановиться лишь на «Цыганахъ» Вордсворта. На первый взглядъ можетъ показаться, что противоположеніе это сдѣлано у него въ совсѣмъ иномъ, даже прямо обратномъ смыслѣ.

1) Н. Лернеръ, Труды и дни, 2-е изд., стр. 218.

2) П. О. Морозовъ, «Пушкинъ и Сентъ-Бевъ» — «Русскій Библіофилъ» 1915 г., ноябрь.

Именно, что «ошибки и борьба» поэта противополагаются «тупой косности» цыганъ (oh, better wrong and strife... than such torpid life). Такое представленіе способны какъ будто укрѣпить еще и тѣ строки, въ которыхъ поэтъ говоритъ о своихъ блужданіяхъ подъ открытымъ небомъ (a traveller under open sky) въ укоръ неподвижнымъ цыганамъ.

Но подобное пониманіе возможно развѣ лишь для тѣхъ, кто не знаетъ Вордсворта.

Въ глазахъ Пушкина Вордсвортъ всегда былъ мирнымъ поэтомъ-отшельникомъ, «вдали отъ суетнаго свѣта» рисующимъ «природы идеалъ» (Сонетъ: Суровый Дантъ...). Такъ оно, конечно, и было въ дѣйствительности. Значитъ, слова о «ошибкахъ и борьбѣ» Пушкинъ могъ и долженъ былъ понимать только въ томъ смыслѣ, что *даже* они, — самое худшее, что только могло быть на свѣтѣ для этого поэта-квіетиста, — даже они предпочтительнѣе «тупой жизни» цыганъ. Строки же: «полсутокъ я бродилъ, и кровомъ мнѣ небесный сводъ служилъ» говорятъ намъ въ сущности не столько о бродячихъ наклонностяхъ поэта, сколько о томъ, что у него есть нѣкій вѣрный кровъ, куда онъ возвращается изъ своихъ недолгихъ блужданій, откуда онъ пускается въ нихъ.

Такимъ образомъ, антитеза дикаго цыганскаго существованія — пускай тупого и коснаго, но въ основѣ своей прежде всего бездомнаго и бродячаго — мирному житію поэта, хотя бы и прерываемому недолгими блужданіями-прогулками, такая антитеза несомнѣнно и тутъ на лицо, какъ у Боульса и Пушкина. Только вторая часть ея, мотивъ «сельской нѣги и домашней тишины» оставленъ въ значительной мѣрѣ подразумѣваемымъ. Въ этомъ отношеніи Боульсъ даетъ больше Вордсворта. Зато у послѣдняго несомнѣнно болѣе разработанной является первая часть, картина цыганскаго *табора* (у Боульса только одинъ шатеръ), съ его *огнями* во тьмѣ *вечерней*, ночной поры (у Боульса если и есть вечеръ, то еще нѣтъ тьмы, а о кострахъ-огняхъ можно только косвенно догадываться по словамъ о «дымѣ»).

Замѣчанія критики, что мы имѣемъ здѣсь дѣло «съ юношескими воспоминаніями изъ жизни Пушкина»[1]), остаются при этомъ въ полной силѣ. Болѣе того, мы только теперь начинаемъ вполнѣ понимать, почему въ длинномъ свиткѣ этихъ воспоминаній вниманіе поэта привлекъ именно этотъ, а не какой другой эпизодъ. «Цыганскій шатеръ» Боульса, «Цыганы» Вордсворта напомнили Пушкину о томъ, какъ онъ и самъ когда то «провождалъ сіи шатры».

Н. В. Яковлевъ.

1916.

1) Анненковъ, ib., стр. 311.

Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Вольтеру писалось довольно много: см. перечень въ статьѣ проф. А. П. Кадлубовскаго «Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина» — «Пушкинъ и его современники», вып. V, С.-Пб. 1907, стр. 19—20.

Присоединяю небольшую замѣтку еще объ одной параллели изъ Вольтера къ «Евгенію Онѣгину», которая, кажется, до сихъ поръ не указана.

Въ 1736 г. Вольтеръ написалъ остроумную веселую сатиру «Le Mondain» («Свѣтскій человѣкъ»); здѣсь съ обычною своею язвительною шутливостью онъ далъ типичную картинку изъ современной ему утонченной французской городской жизни, которую противополагаетъ жизни примитивной.

Regrettera qui veut le bon vieux temps,
Et l'âge d'or, et le règne d'Astrée, . . .
Et le jardin de nos premiers parents:
Moi je rends grâce à la nature sage
Qui, pour mon bien, m'a fait naître en cet âge
Tant décrié par nos tristes frondeurs:
Ce temps profane est tout fait pour mes moeurs,—

заявляетъ Вольтеръ въ первыхъ строкахъ своего стихотворенія.

Фантазія поэтовъ разукрасила жизнь Золотаго Вѣка; французская пасторальная литература создала царство Астреи Сухой, трезвый, реалистическій умъ Вольтера насмѣшливо разрушаетъ всѣ эти вымыслы; онъ дѣлаетъ такой натуралистическій эскизъ о примитивной жизни:

Quand la nature était dans son enfance,
Nos bons aïeux vivaient dans l'ignorance,
. . . ils n'avaient rien,
Ils étaient nus. . .
Sobres étaient. Ah! je le crois encor:
Martialo [1]) n'est point du siècle d'or.
D'un bon vin frais ou la mousse ou la sève
Ne gratta point le triste gosier d'Ève;
La soie et l'or ne brillaient point chez eux. . .

Среди духовенства и серьезной, благочестиво настроенной публики значительную сенсацію возбудила данная Вольтеромъ вольная характеристика жизни прародителей въ раю:

Mon cher Adam, mon gourmand, mon bon père,
Que faisais-tu dans les jardins d'Éden?
Caressais-tu madame Ève ma mère?
Avouez-moi que vous aviez tous deux
Les ongles longs, un peu noirs et crasseux,
La chevelure un peu mal ordonnée,
Le teint bruni, la peau bise et tannée.
Sans propreté l'amour le plus heureux
N'est plus amour, c'est un besoin honteux.
Bientôt lassés de leur belle aventure,
Dessous un chêne ils soupent galamment
Avec de l'eau, du millet, et du gland;
Le repos fait, ils dorment sur la dure:
Voilà l'état de la pure nature.

Поднявшаяся во Франціи волна увлеченія подобнымъ ultra-реалистическимъ, шутливымъ до глумленія освѣщеніемъ такого рода сюжетовъ докатилась и до Россіи и захватила нашихъ «безпечныхъ шалуновъ», — въ рядахъ которыхъ оказался одно время

1) Авторъ книги «Французскій поваръ» («Cuisinier français»).

и Пушкинъ, увлекавшійся «Орлеанскою Дѣвственницей» Вольтера, любившій «открытымъ сердцемъ» говорить

Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земного [1]),

самъ написавшій «Гавріліаду» и т. под.

Рисуя картины примитивной жизни, стремясь лишить ихъ всякой идеалистической окраски, Вольтеръ подчеркиваетъ, что современное ему общество усвоило совсѣмъ иные вкусы:

J'aime le luxe et même la mollesse,
Tous les plaisirs, les arts de toute espèce,
La propreté, le goût, les ornements:
Tout honnête homme a de tels sentiments. . .

И вторая половина стихотворенія даетъ легкій, шутливый очеркъ жизни современнаго свѣтскаго «порядочнаго» человѣка:

Or maintenant voulez-vous, mes amis,
Savoir un peu, dans nos jours tant maudits,
Soit à Paris, soit dans Londres, ou dans Rome,
Quel est le train des jours d'un honnête homme?

Прежде всего изображается внутренность апартаментовъ:

Entrez chez lui: la foule des beaux-arts,
Enfants du goût, se montre à vos regards.
De mille mains l'éclatante industrie
De ces dehors orna la symétrie.
L'heureux pinceau, le superbe dessin
Du doux Corrège et du savant Poussin
Sont encadrés dans l'or d'une bordure. . .
Tous ces objets sont vingt fois répétés
Dans des trumeaux tout brillants de clartés. . .

1) «В. В. Энгельгардту» 1819 г.

Рисуется выѣздъ изъ дому:

Mais du logis j'entends sortir le maître:
Un char commode, avec grâces orné,
Par deux chevaux rapidement traîné,
Paraît aux yeux une maison roulante . . .

Прогулка въ экипажѣ:

Nonchalamment je l'y vois promené;
De deux ressorts la liante souplesse
Sur le pavé le porte avec mollesse.

Ванна, духи:

Il court au bain: les parfums les plus doux
Rendent sa peau plus fraîche et plus polie.

Любовныя свиданія:

Le plaisir presse; il vole au rendez-vous
Chez Camargo, chez Gaussin, chez Julie;
Il est comblé d'amour et de faveurs.

Посѣщеніе театра, оперы:

Il faut se rendre à ce palais magique
Où les beaux vers, la danse, la musique,
L'art de tromper les yeux par les couleurs
L'art plus heureux de séduire les cœurs,
De cent plaisirs font un plaisir unique.

Оцѣнка представленія и артистовъ:

Il va siffler quelque opéra nouveau,
Ou, malgré lui, court admirer Rameau.

Обѣдъ въ ресторанѣ, шампанское, пробка, летящая въ потолокъ:

Allons souper. Que ces brillants services,
Que ces ragoûts ont pour moi de délices!

Qu'un cuisinier est un mortel divin!
Chloris, Églé me versent de leur main
D'un vin d'Aï dont la mousse pressée,
De la bouteille avec force élancée,
Comme un éclair fait voler le bouchon;
Il part, on rit; il frappe le plafond . . .

И такъ изо дня въ день:

Le lendemain donne d'autres désirs,
D'autres soupers, et de nouveaux plaisirs.

Вспомнимъ описаніе разсѣянной свѣтской жизни Евгенія Онѣгина въ I главѣ романа Пушкина: сходство съ только что приведенными строками Вольтера замѣтное. Жизнь Петербургскаго «свѣта» слагалась подъ вліяніями образа жизни французскаго общества, бывшаго передъ глазами Вольтера, — отсюда сходство изображеній у русскаго и у французскаго писателей. Трудно, однако, не подумать и о литературномъ воздѣйствіи со стороны сатиры «Le Mondain» на поклонника Вольтера, Пушкина. Нашъ поэтъ, разумѣется, разработалъ совершенно самобытно описаніе жизни, какую отчасти велъ и самъ на «вредномъ» для него сѣверѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя точки соприкосновенія съ сатирой Вольтера замѣтны, самый же тонъ описаній одинаковъ.

Описаніе роскошной обстановки жилища Евгенія:

Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ къ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для пѣги модной [1]),

1) Срв. у Вольтера:

Le superflu, chose très nécessaire,
A réuni l'un et l'autre hémisphère.

Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.
Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Хрусталь и бронза на столѣ,
И чувствъ изнѣженныхъ отрада
Духи въ гранепомъ хрусталѣ...

Прогулка:

Въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
И тамъ гуляетъ на просторѣ...

Обѣдъ въ ресторанѣ, шампанское:

Ужъ темно. Въ санки онъ садится,
Къ Talon помчался...
Вопель — и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровавленный
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
Парижской кухни лучшій цвѣтъ...

Посѣщеніе театра, оцѣнка представленія:

Театра злой законодатель...
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать entrechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать...
Волшебный край!..

Voyez-vous pas ces agiles vaisseaux
Qui du Texel, de Londres, de Bordeaux,
S'en vont chercher, par un heureux échange,
Ces nouveaux biens, nés aux sources du Gange,
Tandis qu'au loin, vainqueurs des musulmans,
Nos vins de France enivrent les sultans?..

Общая оцѣнка жизни Онѣгина (строфа XXXVI):

Проспется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.

При наличности одинаковаго шутливо-серьезнаго сатирическаго тона, при рядѣ указанныхъ точекъ соприкосновенія, трудно отрѣшиться отъ мысли о нѣкоторой внутренней связи I-й главы «*Евгенія Онѣгина*» и стихотворенія «Le Mondain»; кажется, что характеристика Петербургской разсѣянной жизни Онѣгина создалась подъ извѣстнымъ литературнымъ воздѣйствіемъ со стороны названной сатиры Вольтера [1]).

Вл. Рѣзановъ.

1) Ср. еще въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго о Л. Н. Толстомъ описаніе времяпрепровожденія Петербургскаго щеголя въ стихотвореніи Толстого «Посланіе къ Петербургскому жителю», напоминающее строфы XV—XXVI первой главы «Онѣгина» («Русск. Стар.» 1899 г., № 9, стр. 602—603).

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Къ Пушкинскимъ сюжетамъ.

Въ XXVIII выпускѣ сборника «Пушкинъ и его современники», въ замѣткѣ Ю. Оксмана, сближается стихотвореніе Пушкина «Счастливъ, кто близъ тебя.. » и стихотвореніе приписываемое Léonard'y «Heureux qui près de toi soupire» [1]). Сближеніе это кажется мнѣ рискованнымъ по той простой причинѣ, что въ разсматриваемомъ стихотвореніи заключается общее мѣсто и, вѣроятно, терпѣливый искатель можетъ найти много параллельныхъ мѣстъ среди стихотвореній французскихъ — и не только французскихъ — поэтовъ. Въ этихъ сопоставленіяхъ слѣдуетъ соблюдать нѣкоторую осторожность, иначе есть опасность поставить музу Пушкина въ зависимость отъ не только сомнительныхъ, но и маловѣроятныхъ источниковъ.

Такъ въ данномъ случаѣ мотивы, заключающіеся въ приведенномъ авторомъ замѣтки французскомъ стихотвореніи, имѣютъ источникомъ другое стихотвореніе, гораздо болѣе популярное. Я говорю про оду Сафо, ту самую, которую Пушкинъ записалъ въ дословномъ переводѣ.

Какъ извѣстно, по поводу этой оды Катенинъ писалъ Пушкину 1 іюня 1835 г.: «Нѣтъ ли у тебя знакомаго греколога кто бы

1) Стихотвореніе это не находится въ единственномъ существующемъ (правда не полномъ) собр. соч. Леонара. Къ сожалѣнію г. Оксманъ не указалъ, гдѣ напечатано это стихотвореніе и могъ ли Пушкинъ прочесть его. Оно переведено Сергѣемъ Бобровымъ, очевидно изъ того же сборника, которымъ пользовался Ю. Оксманъ (см. «Французскіе лирики XVIII вѣка» съ предисловіемъ Вал. Брюсова. Москва, 1914 г., стр. 64).

могъ en vile prose рабски переложить крошечныя два стихотворенія Сафы: Венерѣ и *Heureux qui etc.*». Понятно, когда Катенинъ писалъ эти слова «Heureux qui», онъ думалъ только о слѣдующемъ переводѣ Boileau изъ Сафо:

Heureux qui près de toi pour toi seule soupire;
Qui jouit du plaisir de t'entendre parler;
Qui te voit quelquefois doucement lui sourire!
Les dieux dans son bonheur peuvent-ils l'égaler?

Je sens de veine en veine une subtile flamme
Courir par tout mon corps sitôt que je te vois;
Et, dans les doux transports où s'égare mon âme,
Je ne saurois trouver de langue ni de voix.

Un nuage confus se répand sur ma vue;
Je n'entends plus; je tombe en de douces langueurs,
Et, pâle, sans haleine, interdite, éperdue,
Un frisson me saisit; je tombe, je me meurs.

Mais quand on n'a plus rien, il faut tout hasarder, etc.

Въ Россіи эта ода была популярна: переводили ее вѣроятно съ перевода Boileau Жуковскій и гр. Д. И. Хвостовъ. Существуютъ также два перевода Державина [1]).

Вліяніе Леонара, а слѣдовательно и вообще «французской эротической лирики XVIII вѣка», при наличіи стиховъ Буало, становится мало вѣроятнымъ.

1) Мною приведенъ переводъ цѣликомъ: стихотвореніе не закончено, отъ четвертой строфы существуетъ только одинъ стихъ. Стихотвореніе это имѣется еще въ переводѣ Delille'я. Текстъ Boileau, Delille'я и нѣсколько русскихъ переводовъ (Сумарокова, Мерзлякова, Люценко, подражаніе Карамзина), а также библіографія русскихъ переводовъ (свыше 10) приведены въ книгѣ: проф. В. П. Рѣзановъ «Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго». Вып. II. Петроградъ. 1916 г., стр. 354 – 361.

Вообще — при сближеніи русскихъ стиховъ 20—30 годовъ съ французскими стихами XVIII в. слѣдовало бы каждый разъ рѣшать вопросъ — не имѣемъ ли мы дѣло съ «общими мѣстами».

Какъ примѣръ приведу слѣдующее: многія юношескія произведенія Пушкина сопоставляются со стихами Парни. Внѣшній параллелизмъ образовъ и настроеній какъ будто убѣдительно говоритъ въ пользу вліянія Парни на Пушкина. На самомъ дѣлѣ обычно здѣсь встрѣчаются общія мѣста эротической лирики, какія можно найти у тысячи французскихъ и русскихъ поэтовъ. Въ частности стихотвореніе «Измѣны» («Все миновалось»..) сравнивается обычно со стихами Parny «Le dépit»[1]). Межъ тѣмъ сходства между этими стихами мало: Пушкинъ ищетъ о тщетѣ того забвенія, которое онъ ищетъ въ измѣнахъ «гордой Еленѣ», — Parny же испытываетъ полное удовлетвореніе, измѣнивъ своей невѣрной подругѣ. Сходны метры этихъ стихотвореній, сходны отдѣльныя слова, — но говорить о подражаніи можно было бы съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ лишь тогда, когда во французской поэзіи не было бы стихотвореній столь же близкихъ пушкинскимъ «Измѣнамъ».

Но вотъ одно стихотвореніе, значительно болѣе близкое Пушкину:

ÉLÉGIE A LASTHÉNIE.

Je brise ma chaîne,
Et par d'autres nœuds
Loin de l'inhumaine
Qui rit de mes voeux,
Je vais être heureux.
Qu'elle soit cruelle;
Et que le mépris
D'un amour fidèle
Soit l'unique prix:
Je saurai loin d'elle,
D'une ardeur nouvelle
Flatter Lycoris.
Mais vaine espérance
Qui trompe mon cœur:
En vain sa rigueur
Nourrit la souffrance
Qui fait mon malheur;
Par-tout mon amante
Me semble présente;
De légers soupirs,
Une ombre incertaine,
Tout en moi ramène
De brûlans désirs.
O ma Lasthénie!
Quand pourrai-je, hélas!
Sentir dans tes bras
Mon âme, ma vie,
A la tienne unie!
Tu vois ma douleur
Et ma vive ardeur;
Au feu qui m'inspire,
Réponds par tes feux;
D'un tendre sourire
Seconde mes vœux,
Et dans tes beaux yeux
Que je puisse lire
L'espoir d'être heureux!

Auguste De La *Bonisse.*

Almanach des Muses 1803, pp. 219—220.

1) Не привожу текста этого стихотворенія. Оно цитируется въ I томѣ Академическаго изданія соч. Пушкина.

Сходство этихъ стиховъ съ Пушкинскими гораздо разительнѣе, и я не буду его доказывать. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Пушкинъ воспользовался, какъ канвой для своихъ «Измѣнъ», стихами третьестепеннаго французскаго поэта? Невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего: «Almanach des Muses» былъ настолько распространенъ, что молодой Пушкинъ безусловно былъ знакомъ съ нимъ. Но попадался ли ему въ руки томикъ на 1803 годъ, неизвѣстно. Важно лишь то, что тема «Измѣнъ» трактовалась во французской лирикѣ и помимо Парни, и сопоставленіе «Измѣнъ» съ «Dépit» можетъ лишь подорвать довѣріе къ иным указаніямъ на заимствованія Пушкина изъ Парни.

Волческъ,
12 августа 1916 г.

II.

«Кинжалъ» и m-me de Staël.

Тему «Кинжала» сближаютъ съ одой Шарлоттѣ Кордэ А. Шенье. Дѣйствительно сходство мысли и сходство образовъ въ цитируемыхъ при сближеніи мѣстахъ замѣтно:

Гдѣ Зевса *громъ* молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона
Свершитель ты проклятій и *надеждъ*.
O Vertu, le poignard, seul *espoir* de la terre,
Est ton arme sacrée, alors que le *tonnerre*
Laisse régner le crime et te vend à ses lois [1]).

Но возможно, что самую мысль о восхваленіи кинжала, какъ стража свободы, Пушкинъ заимствовалъ изъ иного мѣста, а именно изъ «Dix années d'exil» m-me de Staël. Въ этой книгѣ, появившейся въ 1820 г.[2]), m-me de Staël дважды касается этой же темы:

«Ces gouvernements despotiques, dont la seul limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et de devoir dans la tête des hommes» (Ch. XIV, Moscou).

И въ другомъ мѣстѣ m-me de Staël подробнѣе развиваетъ свою мысль:

«Ces mêmes courtisans, qui n'ont pas la force de dire à leur maître la moindre vérité, savent conspirer contre lui, et la plus

1) Если дѣйствительно стихи Пушкина являются подражаніемъ этихъ стиховъ Шенье, то это — первое отраженіе творчества французскаго лирика на Пушкинѣ. Впервые имя Шенье встрѣчается у Пушкина — въ письмѣ Вяземскому 4 ноября 1823 г.

2) «Кинжалъ» написанъ, по указанію Морозова, въ іюлѣ 1821 г., а по указанію Лонгинова въ 1822. На черновикѣ «Кинжала» поставлена дата 22 іюня 1822 г. (См. Н. О. Лернеръ. «Труды и дни», стр. 444). «Dix années d'exil» имѣлись въ библіотекѣ Пушкина въ изданіи собранія сочиненій m-me de Staël 1820 г. (см. Б. Модзалевскій. Описаніе библіотеки Пушкина).

profonde dissimulation accompagne nécessairement ce genre de révolution politique; car il faut combler de respects celui qu'on veut assassiner. Et, cependant que deviendrait un pays gouverné despotiquement, si un tyran au-dessus de toutes les lois n'avait rien à craindre des poignards? Horrible alternative, et qui suffit pour montrer ce que c'est que les institutions où il faut compter le crime comme balance des pouvoirs» (Ch. XIX). Эти слова, сказанныя по поводу кровавыхъ дворцовыхъ переворотовъ въ Россіи, должны были произвести впечатлѣніе на молодого Пушкина:

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Книга «Dix années d'exil» высоко цѣнилась Пушкинымъ. Извѣстно, съ какой горячностью напалъ онъ на Муханова, непочтительно отозвавшагося объ этой книгѣ:

«Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь книга: «Десятилѣтнее изгнаніе» должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы, — все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу Dix ans d'exil, можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ

боярь, она не высказала всего, что бросалось ей въ глаза[1]). Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностью и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, *не выноситъ сора изъ избы*. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...»

Далѣе, цитируя статью Муханова, Пушкинъ восклицаетъ:

«Что за слогъ и что за *тонъ!* Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между *щепетильными (?) французиками*[2]) и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора»... «О сей *барынѣ* должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту *барыню* удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи довѣренности, Европа своего уваженія». («О г-жѣ Сталь и о Г. А. М—вѣ». 9 іюня 1825. Подписано *Ст. Ар.*)[1]).

Слѣды вниманія, съ которымъ перечитывалъ Пушкинъ эту книгу, мы находимъ въ различные періоды его жизни.

Такъ въ запискѣ, представленной Пушкинымъ Николаю I въ 1826 году, мы читаемъ: «Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только Военною Службою, старались отличаться одною свѣтской образованностію или шалостями». «Чины сдѣлались страстію Русскаго Народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ кругъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть Полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ». «Воспитаніе... кончается на 16-ти лѣтнемъ возрастѣ воспитанника».

Въ «Dix années d'exil» говорится: «Il y a grande disette, en Russie, d'hommes instruits, dans quelque genre que ce soit: les jeunes gens ne vont, pour la plupart, à l'Université que pour entrer plus vite dans l'état militaire. Les charges civiles, en Russie, donnent un rang qui correspond à un grade dans l'armée; l'esprit de la nation est tourné tout entier vers la guerre; dans tout le reste, administration, économie politique, instruction publique, etc., les autres peuples de l'Europe l'emportent, jusqu'à présent, sur les Russes» (Ch. XIV). Въ другомъ мѣстѣ говорится: «toute

1) Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ Петербургскомъ прежде 1812 г. *Сост.* (Прим. Пушкина. Врядъ ли можно сомнѣваться, что авторомъ цитируемой рукописи былъ онъ самъ, и что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ невинной литературной мистификаціей, что было въ нравахъ Пушкина).

2) Чтобы понять возмущеніе Пушкина, вызванное словомъ «щепетильный», слѣдуетъ вспомнить, что слово это введено въ русскую общую литературу Вл. Игн. Лукинымъ въ 1768 г. Этимъ словомъ онъ перевелъ французскій терминъ «Bijoutier» и пояснилъ слѣдующимъ образомъ: «Не взирая на то, что подвергнуся хулѣ несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ я къ тому старинное слово «щепетильникъ», потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, называются «щепетильниками». Слово привилось, и вскорѣ сталъ издаваться журналъ подъ именемъ «Парнасскій Щепетильникъ». Очевидно слово это въ эпоху Пушкина не потеряло еще того оттѣнка, который нынѣ связывается съ понятіемъ «галантерейный». Ср. «Лондонъ щепетильный».

1) По поводу этой статьи Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому 18 іюля 1825 г.: «За твоею статьею слѣдуетъ моя о M-d de Staël. Не не разглашай этого: тутъ есть одно *Великодушіе* поставленное во-первыхъ ради Цензуры, а во-вторыхъ для вящаго *анонима* (родъ онанизма журнальнаго)». Вяземскій отвѣтилъ 24 августа: «Ты Сталью отдѣлалъ моего пріятеля, а можетъ быть и своего, Александра Муханова, бывшаго адъютанта Закревскаго. Да подѣломъ, хоть мнѣ его и жаль»! На это Пушкинъ писалъ: «Жалѣю что о Staël писалъ Муханов. (если адъют. Раевскаго): онъ мой пріятель и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-d Staël наша — не тронь ея — Впрочемъ и пощадилъ его» (15 сентября).

l'ambition des bourgeois est de faire leurs fils officiers, afin qu'ils soient dans la classe privilégiée. De là vient que toute éducation est finie à quinze ans; on se précipite dans l'état militaire le plus tôt possible, et tout le reste est négligé. Certes ce n'est pas le moment de blâmer un ordre de choses qui a produit une si belle résistance; dans un temps plus calme, on pourrait dire avec vérité qu'il y a, sous les rapports civils, de grandes lacunes dans l'administration intérieure de la Russie» (Ch. XVII).

Записка о народномъ воспитаніи въ общемъ излагаетъ искреннія взгляды Пушкина. Указанныя параллели выясняютъ, насколько мысли m-me de Staël были усвоены Пушкинымъ.

Въ «Историческихъ замѣчаніяхъ» 1822 г., говоря о русскихъ защитникахъ самовластья, Пушкинъ упоминаетъ «славную шутку г-жи de Staël», принимаемую «за основаніе нашей конституціи». Это — конечно слова m-me de Staël, приведенныя въ «Dix années», съ которыми она обратилась къ Александру I: «Sire, lui dis-je, votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie» (Chap. XVII)[1]).

1) По мнѣнію В. О. Ржиги («А. С. Пушкинъ и мемуары m-me de Staël о Россіи»—«Изв. Отд. Русск. яз. и сл.» 1914, кн. 2, стр. 47) эта «славная шутка» и есть приведенныя Пушкинымъ слова m-me de Staël, съ которыхъ мы начали настоящую замѣтку (ср. «Пушк. и его совр.», вып. XXIX—XXX, стр. 23, статья Д. Соколова). Но точный текстъ «Историческихъ Замѣчаній» приводитъ насъ къ иному заключенію. Вотъ этотъ текстъ по изд. Венгерова. «Царствованіе Павла доказываетъ одно: что и въ просвѣщенныя времена могутъ родиться Калигулы. Рускіе защитники Самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи де-Сталь за основаніе нашей конституціи. *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation* (курс. Пушк.) 2 авг. 1822» (т. IV, стр. 476). Послѣднія слова врядъ ли можно принять за аргументъ въ пользу Самовластья, за идеологію русскихъ защитниковъ его. Тѣмъ болѣе, въ предыдущей фразѣ говорится о личномъ характерѣ монарха. Слова эти можно считать не болѣе, какъ припиской, какъ цитатой, пришедшей на память Пушкину по ассоціаціи съ одной стороны съ судьбой упомянутаго имъ Павла, съ другой — со словами m-me de Staël, — но не тѣми, которыя онъ характеризуетъ эпитетомъ «славная шутка». Эта приписка лишь доказываетъ, какъ въ память Пушкина врѣзались замѣчанія г-жи де-Сталь, какое впечатлѣніе произвела на него ея защита «Кинжала», какъ противовѣса тиранніи, — и въ этомъ мы видимъ еще одинъ аргументъ въ пользу того, что Пушкинскій «Кинжалъ» созданъ не безъ вліянія m-me de Staël.

Пушкинъ цитируетъ «Dix années» въ примѣчаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину»: «Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностью и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившею г-жу Сталь (См. Dix ans d'exil)». (Характерно, что и здѣсь, какъ и въ статьѣ «о г-жѣ Сталь и о Г. А. М-вѣ», Пушкинъ однообразно искажаетъ названіе книги «Dix *années* d'exil»).

M-me de Staël во многихъ мѣстахъ записокъ говоритъ о вліяніи Востока на русскіе нравы, но пожалуй этотъ оріентализмъ плѣнилъ ее больше всего въ танцахъ крестьянскихъ дѣвушекъ (см. Chap. XIII). Впрочемъ, м. б., Пушкинъ разумѣетъ отзывъ о воспитанницахъ Екатерининскаго Института: «ce sont des filles de l'Orient, avec toute la décence que les mœurs chrétiennes ont introduite parmi les femmes» (Ch. XIX).

Встрѣчается цитата изъ «Dix années» въ «Мысляхъ на дорогѣ» (1833 г.): «У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне (en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature)». Очевидно, Пушкинъ на память цитируетъ слова m-me de Staël: «Quelques gentilshommes russes ont essayé de briller en littérature» (Ch. XVI).

Вспоминаетъ Пушкинъ о путешествіи m-me de Staël по Россіи въ письмѣ Вяземскому 27 мая 1826 г.: «Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда — при Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ M^d^ de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ». Между прочимъ, указаніе это не точно: m-me de Staël была только приглашена Милорадовичемъ на балъ къ какой-то молдаванской княгинѣ, но на балу этомъ не была, такъ какъ въ тотъ же день выѣхала изъ Кіева (Ch. X. Kiew).

Но полную картину пребыванія m-me de Staël въ Россіи Пушкинъ возстанавливаетъ по «Dix années» въ «Рославлевѣ» (1831 г.).

«Она казалась не въ духѣ, нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою

мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M-me de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости».

M-me de Staël пишетъ: «L'accueil des Russes est si obligeant, qu'on se croirait, dès le premier jour, lié avec eux, et peut-être au bout de dix ans ne le serait-on pas. Le silence russe est tout-à-fait extraordinaire; ce silence porte uniquement sur ce qui leur inspire un vif intérêt. Du reste, ils parlent tant qu'on veut; mais leur conversation ne vous apprend rien que leur politesse, elle ne trahit ni leurs sentiments, ni leurs opinions» (Ch. XIII).

И переживанія Полины параллельны впечатлѣніямъ m-me de Staël:

«Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность... И только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленной».

«Ils (les Russes) sont beaucoup plus hospitaliers que les Français; mais la société ne consiste pas chez eux, comme chez nous, dans un cercle d'hommes et de femmes d'esprit qui se plaisent à causer ensemble. On se réunit comme l'on va à une fête, pour trouver beaucoup de monde, pour avoir des fruits et des productions rares de l'Asie ou de l'Europe»... «D'ailleurs, comme ils sont, en général, très-peu instruits, ils trouvent peu de plaisir aux conversations sérieuses, et ne mettent point leur amour-propre à briller par l'esprit qu'on y peut montrer» (Ch. XIII). Такія же впечатлѣнія оставило у m-me de Staël и Петербургское общество (см. Chap. XVI).

«Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина, пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его».

«Je n'ai rien vu de barbare dans ce peuple; au contraire, ses formes ont quelque chose d'élégant et de doux qu'on ne retrouve point ailleurs». «Je sais bien qu'on peut m'objecter, avec raison, de grandes atrocités que l'on rencontre dans l'histoire de Russie; mais, d'abord, j'en accuserais plutôt les boyards, dépravés par le despotisme qu'ils exerçaient ou qu'ils souffraient, que la nation elle-même» (Ch. XII).

Пушкинъ настолько былъ занятъ въ «Рославлевѣ» образомъ m-me de Staël, что даже самъ, излагая событія, иногда буквально ее повторяетъ, напр.:

«Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ».

«Quand j'arrivai dans Moscou, il n'était question que des sacrifices que l'on faisait pour la guerre. Un jeune comte de Mamonoff levait un régiment pour l'état»... (Chap. XIV).

Вообще же «Рославлевъ», въ части, касающейся m-me de Staël и русскаго общества эпохи 12-го года, является развитіемъ мыслей, содержащихся въ рецензіи о статьѣ А. М-ва.

Въ рецензіи этой говорится о «замѣчаніяхъ, разительныхъ по своей новости и истинѣ». Дѣйствительно, просматривая «Dix années» не трудно найти эти замѣчанія, поразившія Пушкина. Это — всѣ замѣчанія литературнаго порядка. Вотъ напр. отзывъ о «Дмитріи Донскомъ» Озерова, который m-me de Staël видѣла въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1812 года:

«Je vis représenter une tragédie russe, dont le sujet était la délivrance des Moscovites, lorsqu'ils repoussèrent les Tartares par-delà Cazan. Le Prince de Smolensk paraissait dans l'ancien costume des Boyards, et l'armée tartare s'appelait *la Horde dorée*. Cette pièce était presqu'en entier selon les règles de l'art dramatique français; le rhythme des vers, la déclamation, la coupe des

scènes, tout était français; une seule situation tenait aux moeurs russes, c'était la terreur profonde qu'inspirait à une jeune fille la crainte de la malédiction de son père[1]). L'autorité paternelle est presque aussi forte dans le peuple russe qu'en Chine, et c'est toujours chez le peuple qu'il faut chercher la sève du génie national. La bonne compagnie de tous les pays se ressemble, et rien n'est moins propre que ce monde élégant à fournir des sujets de tragédie» (Ch. XIX). (Ср. «Высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство». «Мысли на дорогѣ»).

Этотъ отзывъ, несмотря на простительныя для иностранки историческія bévues (смѣшеніе Куликовской битвы со взятіемъ Казани, толкованіе словъ «Золотая Орда», какъ названія татарскихъ полчищъ) — представляетъ безотносительный историко-литературный интересъ. Для Пушкина же отзывъ этотъ имѣлъ двойной интересъ еще какъ провѣрка субъективнаго его переживанія творчества Озерова.

Какъ извѣстно, по отношенію къ «творцу Димитрія» взгляды Пушкина претерпѣли нѣкоторую эволюцію. Если въ Арзамасскій періодъ въ «Городкѣ» и въ посланіи «Къ Жуковскому» (1817 г.) Пушкинъ, изъ соображеній круговой поруки отзывается объ Озеровѣ съ уваженіемъ, то уже въ 1819 г. онъ говоритъ о «несовершенныхъ твореніяхъ несчастнаго Озерова», приписывая его успѣхъ игрѣ Семеновой:

«Тамъ Озеровъ невольны дани
Съ младой Семеновой дѣлилъ» («Евг. Онѣгинъ»).

Въ 1826 г. Пушкинъ очень рѣзко отозвался объ Озеровѣ на поляхъ статьи Вяземскаго: «Озерова я не люблю не отъ зависти, но изъ любви къ искусству». Мнѣніе Вяземскаго, что трагедіи

1) Указаніе на слова Ксеніи князю Тверскому:

Ты можешь коль еще желать руки моей
Котору не любовь, *но трепетъ* предлагаетъ.
Прими, *и пусть меня отецъ не проклинаетъ.*

Озерова принадлежатъ къ романтическому роду, Пушкинъ оспариваетъ въ черновомъ письмѣ Раевскому 1827 г. Оцѣнку «Дмитрія Донского» мы находимъ въ замѣткѣ «О Драмѣ» 1830 г.: Озеровъ «попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ».

«Послѣ *Дмитрія Донского*, послѣ *Пожарскаго* (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи».

Послѣдній отзывъ какъ бы предуготовленъ мнѣніемъ m-me de Staël. И характерно, что избѣгая въ собственныхъ драматическихъ опытахъ ошибокъ Озерова, Пушкинъ особенное вниманіе обратилъ на тѣ элементы, по которымъ въ Дмитріи Донскомъ m-me de Staël узнала французскіе его источники:

«Le rhythme des vers, la déclamation, la coupe des scènes, tout était français».

«Почтенный Александрійскій стихъ перемѣнилъ я на пятистопный бѣлый — въ нѣкоторыхъ сценахъ унизился даже до презрѣнной прозы, не раздѣлилъ своей трагедіи на дѣйствія — словомъ написалъ трагедію истинно романтическую»[1]). (Черновое письмо Раевскому мартъ — апрѣль 1827 г., то самое, гдѣ онъ пишетъ: «одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ писателей нашего времени, не всегда правый,... не усумнился включить Озерова въ число поэтовъ романтическихъ»[2]). Очевидно, словомъ «романтическій» Пушкинъ отмежевывается именно отъ Озерова).

1) Что касается «déclamation», то любопытны слѣдующія замѣчанія Погодина: «Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова... Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей... Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, — піитическую, увлекательную рѣчь!»

2) Ср. письмо Вяземскому 6 февраля 1823 г. «У насъ нѣтъ театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ, и то не точнымъ и заржавымъ;

Не могъ Пушкинъ безъ вниманія пропустить замѣчанія m-me de Staël по тому же вопросу — о подражаніи французскимъ образцамъ: «les Russes ont, comme tant d'autres peuples du continent, le tort d'imiter la littérature française, qui, par ses beautés mêmes, ne convient qu'aux Français» (Chap. XIV). Въ тонъ m-me de Staël Пушкинъ писалъ Гнѣдичу 27 іюня 1822 г. «Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной». И въ 1836 г. Пушкинъ съ удовлетвореніемъ констатируетъ: «Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою» («Мнѣніе М. Е. Лобанова»).

Указывая на ошибочность подражанія французскому, M-me de Staël также указываетъ и возможныя условія расцвѣта русской литературы: «Le génie leur viendra dans les beaux-arts, et surtout dans la littérature, quand ils auront trouvé le moyen de faire entrer leur véritable naturel dans le langage, comme ils le montrent dans les actions» (Ch. XIX). Пушкинъ же писалъ Вяземскому въ ноябрѣ 1823 г.[1]). «Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали».

Также должно было остановить вниманіе Пушкина замѣчаніе о томъ, что русской литературѣ не свойственны отвлеченныя идеи: «Le caractère des Russes est trop passioné pour aimer les pensées le moins du monde abstraites; il n'y a que les faits qui les amusent: ils n'ont pas encore eu le temps ni le goût de réduire les faits en idées générales» (Ch. XVI, непосредственно за цитированной Пушкинымъ фразой о роли русскаго дворянства въ литературѣ).

впрочемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр. театра? Знаю, за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала — *нѣтъ! пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю;* но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія».

1) Ср. статью В. Ржиги: «Пушкинъ и мемуары m-me de Staël о Россіи» — «Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности» 1914 г., т. XIX, кн. 2-я, стр. 60.

«Когда-нибудь должно жъ въ слухъ сказать, что Руской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи» (письмо Вяземскому 13 іюля 1825 г.) «Ученость, политика и философія еще по-русски не выражались; метафизическаго языка у насъ вовсе нѣтъ» («О предисловіи г-на Лемонте» 12 августа 1825 г.). То же самое писалъ Пушкинъ въ замѣткѣ «Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности...» (1824 г.) и отчасти коснулся еще въ 1823 г. въ «Евг. Онѣгинѣ».

Не могъ также Пушкинъ не остановиться передъ Петербургскими впечатлѣніями m-me de Staël.

«De Novogorod jusqu'à Pétersbourg il n'y a presque plus que des marais, et l'on arrive dans l'une des plus belles villes du monde, comme si, d'un coup de baguette, un enchanteur faisait sortir toutes les merveilles de l'Europe et de l'Asie du sein des déserts. La fondation de Pétersbourg est la plus grande preuve de cette ardeur de la volonté russe qui ne connaît rien d'impossible: tout est humble aux alentours; la ville est bâtie sur un marais, et le marbre même y repose sur des pilotis; mais on oublie, en voyant ces superbes édifices, leurs fragiles fondements, et l'on ne peut s'empêcher de méditer sur le miracle d'une si belle ville bâtie en si peu de temps. Ce peuple, qu'il faut toujours peindre par des contrastes, est d'une persévérance inouïe contre la nature, ou contre les armées ennemies» (Ch. XVI. Saint-Pétersbourg).

. . . юный градъ
Полнощныхъ странъ краса и диво
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво . . .
. . . нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ . . .

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія...

«On prétend avec raison que l'on ne peut, à Pétersbourg, dire d'une femme qu'elle est vieille comme les rues, tant les rues elles-mêmes sont modernes» (Пушкинъ примѣнилъ эту шутку къ Москвѣ: «Остались одни невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще *цвѣтущихъ розами*»: «Мысли на дорогѣ» 1833). «Les édifices sont encore d'une blancheur éblouissante, et la nuit, quand la lune les éclaire, on croit voir de grands fantômes blancs qui regardent, immobiles, le cours de la Néva. Je ne sais ce qu'il y a de particulièrement beau dans ce fleuve, mais jamais les flots d'aucune rivière ne m'ont paru si limpides. Des quais de granit de trente verstes de long bordent ses ondes, et cette magnificence du travail de l'homme est digne de l'eau transparente qu'elle décore».

Люблю твой строгій стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ.

«...le soir, je revenait des îles et... je voyais la pointe dorée de la citadelle, qui semblait jaillir dans les airs comme un rayon de feu, lorsque la Néva réfléchissait les quais de marbre et les palais qui l'entourent...» (Ch. XIX).

И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла...

Созданіе Петербурга, какъ и вся дѣятельность Петра, сильно интересовали m-me de Staël, и она посвящаетъ Петру I много страницъ въ «Dix années». Но предъ нашествіемъ Наполеона у

нея возникаетъ вопросъ, нынѣ пріобрѣтающій такую горькую жгучесть: «A-t-il eu raison d'effacer, autant qu'il le pouvait, les moeurs orientales du sein de sa nation? devait-il placer sa capitale au nord et à l'extrémité de son empire? C'est une grande question qui n'est encore résolue: les siècles seuls peuvent commenter de si grandes pensées« (Chap. XIV).

Этотъ, далеко не полный обзоръ того, что привлекло вниманіе Пушкина въ «Dix années d'exil», показываетъ, что записки эти занимали одно изъ первыхъ мѣстъ среди любимыхъ книгъ Пушкина. Ими не ограничивается знакомство Пушкина съ m-me de Staël — ея романы, ея книга «De l'Allemagne», о которой Пушкинъ сказалъ:

Онъ зналъ нѣмецкую словесность
По книгѣ госпожи де Сталь...

всѣ эти произведенія оставили значительнѣйшій слѣдъ въ творчествѣ Пушкина, — но здѣсь намъ важно установить только фактъ вниманія и размѣръ этого вниманія, оказаннаго Пушкинымъ этимъ путевымъ запискамъ.

Это вниманіе заставляетъ насъ полагать съ большой вѣроятностью, что именно слова m-me de Staël дали Пушкину тему «Кинжала», навели его на мысль воспѣть не одинъ какой-нибудь случай политическаго убійства, а самый принципъ мщенія произволу [1]). И быть можетъ политическая безупречность источника является объясненіемъ Пушкинскаго письма Жуковскому (май—іюнь 1825 г.). «*Кинжалъ*» не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, *но намѣреніе* въ нихъ безгрѣшно».

Б. Томашевскій.

Августъ 1918 г.
Москва.

---

1) Во всемірной литературѣ сюжетъ политическаго мщенія убійствомъ тирана неоднократно встрѣчается послѣ французской революціи. Какъ на примѣръ можно указать на поэму Альфіери «Этрурія». Но неизвѣстно, былъ ли Пушкинъ знакомъ съ нею въ эпоху созданія «Кинжала».

УКАЗАТЕЛЬ.

Акимовъ, П. Я. 47.
Алексѣевъ, Н. С. 23.
Альфіери 95.
Анненковъ, П. В. 8, 14, 15, 16, 17, 34, 35, 36, 37, 42, 43, 48, 53, 55, 63, 70.
Байронъ, лордъ 33, 38, 53, 56, 64.
Бартеневъ, П. И. 27.
Батюшковъ, К. Н. 25.
Бенкендорфъ, графъ, А. Х. 26, 31.
Бернсъ, Робертъ. 49.
Бестужевъ, А. А. 64.
Боратынскій, Е. А. 25.
Боульсъ—63, 64, 67, 68, 69.
Брюсовъ, В. Я. 47.
Буало 79.
Булгаринъ, Ѳ. В. 36, 37.
Вѣнгеровъ, С. А. 1, 2, 48, 55.
Вержбовскій, Ѳ. В. 27, 30, 32.
Виттъ, графъ И. О. 30.
«Возставь, о Греція, возстань...» 12 — 18.
Вольтеръ 71 — 77.
Вордсвортъ 63, 64, 67, 68, 69, 70.
Вяземскій, князь П. А. 24, 28, 82, 85, 87, 90, 93.
Геккеренъ, баронъ 43.
Гельдъ, Г. Г. 47, 62.
Геннади, Г. Н. 15, 17.
Глинка, М. И. 25.
Гнѣдичъ, Н. И. 92.
Гоголь, Н. В. 25.
Голицынъ, князь Д. В. 27, 28, 31.
Гофманъ, М. Л. 20.
Давыдовъ, Д. В. 21—25.
Дельвигъ, баронъ А. А. 23, 25, 33, 61.
Державинъ, Г. Р. 41, 79.
Дибичъ, баронъ И. И. 32.
Дмитріевъ, И. И. 25.
Дубровинъ, Н. Ѳ. 32.
Еврипидъ 44.
Жуковскій, В. А. 25, 33, 40, 79, 90, 95.
«Забывъ и рощу и свободу...», стих. Пушкина 42, 43.
«Зимняя дорога». стих. Пушкина 1—3.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф. 46.
Ишимова, А. О. 64.
Каллубовскій, А. П. 71.
Карамзинъ, Н. М. 79.
Карлгофъ, В. 58.
Катенинъ, П. А. 78.
Каченовскій, М. Т. 25.
Керн, А. П. 1, 3, 4.
«Кинжалъ», стих. Пушкина 82 — 95.
Козловъ, И. И 33.
Корнѣевъ, Е. М., худ. 47.
Крюковъ, И. Е. 47.
Кюхельбекеръ, В. К. 34 — 39.
Лаваль, графъ И. С. 33.
Лагарпъ, Ц. 62.
Леконтъ-де-Лиль 45.
Лернеръ, Н. О. 17, 18, 25, 68, 82.
Лобановъ, М. Е. 92.
Ломоносовъ, М. В. 40.
Лукинъ, В. И. 84.
Любомудровъ, С. И. 44.
Люцепко, Е. П. 79.
Майковъ, Л. Н. 34, 36, 37, 42, 43.
Малевскій, 31, 32.
Мераляковъ, А. Ѳ. 79.
Михайловъ, М. Л. 53, 54, 55.
Мицкевичъ, Адамъ 26—33.
«Мнемозина», сб. 34, 36, 37, 39.
Модестовъ, В. И. 59.
Модзалевскій, Б. Л. 33, 53, 54, 55, 56, 59, 62, 77, 82
«Мой демонъ.», Пушкина 6, 7.
Морозовъ, П. О. 44, 46, 68, 82.
Мухановъ, А. А. 83, 84, 85, 89.
«Мысли на дорогѣ» 87, 90, 94.
Николай I, Имп. 85.
Новосильцовъ, Н. Н. 32.
Овидій 44, 45, 46.
Озеровъ, В. А. 89, 89, 90.
Оксманъ, Ю. Г. 78.
Онѣгинъ, А. О. 54.
Парни 80, 81.
Плещеевъ, А. А. 25.
Погодинъ, А. А. 29, 33.
Подолинскій, А. П. 25.
Поливановъ, Л. И. 46, 47
Пушкина, Н. О. 4.
Пушкина. О. С. 4.
Пушкинъ, В. Л. 87.
Пушкинъ, Л. С. 1.
Пушкинъ, С. Л. 4.
Раевскій, Н. Н. 91.
Ржига, В. Ѳ. 86, 92.
«Россіадѣ», 87 — 89.
Рылѣевъ, К. Ѳ. 64.
Рѣзановъ, В. И. 77, 79.
Саитовъ, В. И. 3.
Сафо, 78, 79.
Сенека 44, 46.
Скоттъ, Вальтеръ 55, 56.
Собанская, К. А. 33.
Соболевскій, С. А. 4, 5.
Софоклъ 44, 45, 46.
Срезневскій, В. И. 7, 39, 43.
Сталь (Staël), баронесса 82 — 95.
«Стою печаленъ, на кладбище...», стих. Пушкина 8 — 11.
Сумароковъ, А. П. 79.
Тацитъ 59 — 62.
Титовъ, В. П. 25.
Толстой, Я. Н. 77.
Томашевскій, Б. В. 95.
Фокъ, фонъ, М. Л. 26, 31.
Хвостовъ, гр. Д. И. 79.
«Цыганы» («Надъ лѣнивыми брегами...»), Пушкина 63 — 70.
Чернышевъ, графъ А. И. 32.
Черныхъ, П. И. 44.
Чижиковъ, Л. А. 33.
Шаликовъ, князь П. И. 25.
Шенье, А. 44, 45, 46, 82.
Шляпкинъ, И А. 8, 12, 14, 15, 16, 17, 19.
Юргенсонъ, Э. П. 21.
Языковъ, Н. М. 25.
Яковлевъ, В. И. 1, 4, 5.
Яковлевъ, М. Л. 1, 5, 6.
Яковлевъ, Н. В. 70.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Томъ IX.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ.

Петербургъ.
1923.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Январь 1923 года.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*.

Россійская Государственная Академическая Типографія.
600 экз.

Содержаніе IX тома.

Выпуски 33—35.

	стр.
Пропущенныя строфы «Евгенія Онѣгина» М. Л. Гофмана .	1—328
Приложеніе къ изслѣдованію (рукописи «Евгенія Онѣгина»).	329—344
Посмертныя стихотворенія Пушкина 1833—1836 гг. М. Л. Гофмана	345—421
Указатель	423—430

Выпускъ 36.

О Пушкинскихъ текстахъ изъ коллекціи В. П. Яковлева. В. И. Срезневскаго	1— 7
Изъ неизвѣстныхъ и непрочитанныхъ стихотвореній Пушкина: 1) Стою печаленъ, на кладбищѣ... 2) Возстань, о Греція, возстань! 3) Неизвѣстное стихотвореніе Пушкина. М. Л. Гофмана	8—20
Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова. В. О. Лернера	21—25
Пушкинъ-ходатай за Мицкевича. Б. Л. Модзалевскаго	26—33
Новый автографъ Пушкина. Замѣчанія по поводу двухъ статей В. К. Кюхельбекера. В. И. Срезневскаго.	34—41
Автографъ наброска Пушкина «Забывъ и рощу и свободу». В. И. Срезневскаго	42—43
По поводу стихотворенія Пушкина: «Изъ А. Шенье» (1825). Г. Г. Гельда	44—47
О происхожденіи одного стихотворенія Пушкина («Воротился почью мельникъ»). В. Каррика	48—58

стр.

По поводу замѣчаній Пушкина на «Анналы» Тацита. Г. Г. Гельда . . . . . 59—62

Къ вопросу объ англійскихъ источникахъ стихотворенія Пушкина «Цыганы» («Надъ лѣнистыми бретами»). Н. В. Яковлева . . . . . 63—70

Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина. В. И. Рѣзанова. 71—77

Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ Пушкинскимъ сюжетамъ. II. «Кинжалъ» и m-me de Staël. Б. В. Томашевскаго . . . . . 78—95

Указатель 96

18 p 23 K

1 p. 8 ku